

Двуглавый Орден Империи Росс

МАГИЯ ИЗНАЧАЛЬНАЯ

Алекс Нагорный

Алекс Нагорный
Двуглавый Орден Империи
Росс. Магия изначальная
Серия «Новая летопись
Империи Росс», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57486831

Аннотация

Продолжение приключений двух Самарских студентов Александра и Валерии, попавших в параллельный мир. Попасть в позднее средневековье – это ещё полбеды, тем более что попасть угораздило всё-таки в Россию, хоть и расколотую на две враждующие половины. А вот что делать, если весь этот мир пронизан магией, бытовой, боевой, легальной и, конечно же, запретной. Как найти своё место в этой совершенно незнакомой реальности, где не все тебе рады. Хорошо ещё, что друзей пока больше, чем врагов. Встать на путь мага? А по силам ли это? Хорошо, когда наши желания совпадают с нашими возможностями, а если нет?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	13
Глава 2	44
Глава 3	69
Глава 4	100
Глава 5	125
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Алекс Нагорный

Двуглавый Орден Империи

Росс. Магия изначальная

Пролог

Солнце давно миновало зенит, но к закату дело ещё не шло. В дальней башне замкового комплекса магической школы, в просторной лаборатории, личной лаборатории второго проректора, на двух резных стульях, которым, по совети сказать, не место в лабораториях, но кто ж такое скажет проректору, пусть даже и второму, на этих стульях сидели двое. Хотя это как раз и так понятно, что двое.

Одному на двух стульях не усидеть, да и троим неудобно, особенно если стулья с подлокотниками. Эти двое, что так удачно разместились на паре стульев, которые правильнее было бы назвать креслами, были старыми соратниками. Да, именно так, потому что друзьями они были не всегда.

До Великой войны они принадлежали к соперничающим кланам. Открытой вражды не было, но конкуренция была нешуточная. Даже мелкие стычки между боевыми магами кланов были. А уж про остальных и говорить нечего.

Но Великая война всё изменила. Изменила очень быстро

и навсегда. Когда твой бывший враг спасает тебе жизнь, а потом ты ему, а потом снова он тебе, а после этого ты ему дважды – это уже не вражда и не конкуренция, это союзничество. Ну, сначала-то просто союзничество, против Врага, общего врага. А вот когда с этим союзником ты уже против других союзников, потому что те решили объявить вас обоих врагами достойными смерти...

В общем, эти двое так давно были по одну сторону баррикады, что назвавший их старыми друзьями нисколько бы не ошибся. Они были старыми. И друзьями тоже были, поэтому доверяли друг другу, и по старой памяти спасали друг другу жизнь.

Правда, оба они относились к тем людям, угрожать которым так опасно, что никто и не отваживался. И они ограничивались посильной помощью друг другу. Во всяком случае, когда это было не обременительно, любой из них мог смело положиться на другого. А уж по мелочи...

– Думаешь это они? – Спросил проректор.

– Думаю да. – Ответил его собеседник.

– Почему?

Второй не торопясь отхлебнул из хрустального бокала темно-рубиновой жидкости, покатав вино языком по нёбу, так же неспешно проглотил.

– Я видел их обоих. А с парнем два дня рядом провёл. Понимаешь, от них какой-то запредельной силой веет. Пока не скажу чем именно, но чем-то **ОЧЕНЬ** мощным.

Проректор тоже хлебнул из своего бокала, помолчал и сказал:

– То, что он твоё имя угадал, это ещё ничего не значит. Может ему сказал кто-нибудь.

– Кто?! Не Емеля же! Да и откуда он знать мог, что я к парню в камеру подсяду.

– Кстати, а в камеру-то ты к нему, зачем полез? – Спросил проректор, закидывая ногу на ногу. – Это ж мороки сколько?! Глаза всему участку отводить, ложные воспоминания... Рассеются чары, начнут они головы ломать: «Какой такой дед Егор? Почему мы его в цепи заковали?». Думаешь, Яшка не сообразит, кто к нему заходил? Рискованно, Шен. Очень рискованно.

– Яшка Брюс – не дурак. И вот именно потому, что не дурак, ничего делать и не будет. Мне. – Сказал человек, которого проректор назвал Шеном. Имя ему подходило, фамилия тоже, а вот наряд нет. Ну не может китаец одеваться как российский дворянин, а вот Шен Ли мог.

Мог он потому, что... Нет, строго говоря, не был Шен Ли российским дворянином. Сейчас не был. А раньше был. Сам Иван Васильевич ему за службу дворянство пожаловал. Тогда много магов дворянство получили.

Война, знаете ли... Великая война. И победа тоже Великая. Над страшным врагом победа. А потом была Смута, тоже Великая. Не оставил после себя царь и Великий князь всея Россия наследников. Трое его сыновей погибли на той

войне. Пресекся род Труворовичей.

И началась Великая Смута. Многим магам тогда пришлось земли бросить, жизнь спасая. Жизнь она у мага хоть и долгая, а всё ж одна. Когда воцарился Филарет, в миру Федор Никитич Романов, Смута быстро прекратилась. Вот только магам легче не стало, даже прежние заслуги не помогли.

Шен Ли тоже не пришелся ко двору нового царя. Враг Короны – это про него. Правда, в Западные Земли Шен часто наведывался, дел у него там много было. А сейчас он был в Армагорске, за восемь сотен вёрст от пограничной реки Итиль и стоявшего на ней Вольного города. Здесь у него тоже много дел, только здесь его не пытаются ни поймать, ни убить. Здесь друзья, и поэтому дом теперь тоже здесь. Здесь он нужен.

Проректор сделал ещё один глоток, помолчал с минуту и поинтересовался:

– Ну, и зачем ты их сюда притащил?

Шен ответил не сразу. Покрутил в руках полупустой бокал, глубоко вздохнул и, пристально глядя в глаза собеседнику, произнес:

– Я думаю, раз Архимаг вызвал их тем заклинанием, то они и нам пригодятся. – Китаец молча смотрел на проректора. Проректор тоже молча смотрел на него.

– А, он знает, кого именно он вызвал? – После пары минут гляделок спросил хозяин лаборатории.

– Боишься его ответного визита? – улыбка китайца пре-

вратила его глаза в узкие щелочи.

– Ты и вправду думаешь, что я могу бояться его здесь, в центре Армагорска?!

– Согласен, «боишься» – это неправильное слово. Правильно будет сказать: «Не хочешь». Ну, чтобы Архимаг пожаловал сюда, забрать, так сказать, СВОЁ. – Шен больше не улыбался, потому что разговор пошел в другое русло.

– Шен, он никогда не отличался особой отвагой, поэтому его «Магичество» сам не придет. Но вот Яшенька, тот может. И, сказать по совести, не нужен он тут. Ни он сам ни ребятки его. А Яшка, хоть и не трус, но один не придет. Сам знаешь. – слова проректора прозвучали легким укором.

– Я думаю, что Архимаг затеял какую-то очень-очень свою игру. Так что Брюса можешь не ждать. Полагаю, он и не знает даже. – Гость поспешил успокоить хозяина, и пояснил: – Понимаешь, Яшка их видел, но встретил-то он их случайно, совершенно случайно, на улице, когда из похода возвращался. Увидел, и тоже что-то почувствовал. Силу наверное. И, думаю, испугался, ну, не испугался, конечно, скорее сильно забеспокоился.

– И насколько сильно забеспокоился командир отряда Су-мрачного воинства? – осведомился проректор с легким, но мрачным сарказмом.

Шен посмотрел на собеседника, отхлебнул из бокала, помолчал, как-бы обдумывая ответ, и сам задал вопрос:

– Скажи, дружище, а вот если бы Яшка встретил бы в

Вольном городе кого-нибудь из твоих бакалавров, сколько бы людей он послал на захват?

Проректор на пару секунд посмотрел в потолок.

– Человека три, нет, наверное, всё-таки четыре.

– А на магистра? – китаец явно клонил к чему-то.

– Если подготовленных... не меньше шести. – Ответил проректор с некоторой гордостью. Ну как же, чтобы захватить выпускника его школы целых шесть брюсовских волкодавов нужно.

– А если тебя или меня? – не унимался китаец.

– Если они с Ванькой Бухгольцем сами пойдут, то десяток возьмут точно. Хотя может и дюжину. Я бы на его месте дюжину взял, если бы меня ловил. – Сказал наставник молодёжи и, прищурив левый глаз, посмотрел правым на Шена через хрусталь бокала. – Ну, ладно. Говори уже, к чему ведёшь-то.

– Брать их в Мраморную башню Бухгольц пришел с двумя десятками бойцов.

– О, как! – проректор изумился, и даже вино слегка расплескал.

– Так, что не придут за ними. Архимагу мужества не хватит, а Яков Вилимович, как мы уже говорили совсем не дурак, хотя и не трус.

Маги помолчали. Тема возможного ответного визита с Правого Берега исчерпана. Его не будет. Ответного визита. То есть его вероятность была ничтожно мала, и беспокойства

не вызывала.

– Что собираешься делать? – первым нарушил молчание проректор.

– С этой парочкой?

– Слушай, Шен, я вот иногда сомневаюсь, что ты к нам из Поднебесной прибыл! Или в Чайной стране свои иудеи есть? – проректор поёрзал на стуле переменяв позу. – Ну, что ты вопросом на вопрос отвечаешь? Конечно, я про этих двоих спросил, про что же ещё?

Шен посмеялся. Иудеи в Китае – это сильно!

– Я хочу, чтобы ты их к себе взял.

– На службу? Домой? Или как? – проректор изобразил искреннее непонимание.

– Зачем? В школу. Посмотрите на них, проверите. Что-то же они должны уметь. Зачем-то же их Архимаг ТАКИМ заклинанием вызывал?! – В свою очередь удивился китаец, тоже как бы не понимая, что тут может быть не понятно.

– Шен, я могу их взять только на общих основаниях.

– Я только прошу тебя, чтобы сам за всем проследил. Лично. Сможешь? – китаец пристально посмотрел в глаза старого соратника.

– И всё? Просто проследить? – наигранное недоверие в вопросе проректора, как бы побуждало китайца «Ну давай, уже, договаривай».

– С ними что-то не так. – Вкрадчиво сказал восточный маг, и повысив голос добавил: – **ОЧЕНЬ НЕ ТАК!** – и уже

спокойней: – А вот ЧТО, это как раз и нужно посмотреть. Непростые они ребята.

– Надо полагать, что НЕМЕСТНЫЕ. – Проректор вроде бы даже и не спрашивал, а утверждал. Но Шен Ли всё равно ответил.

– Шутишь?! Конечно, они НЕМЕСТНЫЕ. Стал бы Архимед столько сил на них тратить? Да и заклинание было из тех, что проходы в другие миры пробивают. Так что нет, Петя, они точно НЕМЕСТНЫЕ!

– Ну, посмотрим, посмотрим. – Промолвил Проректор Петя. Потом молча поднялся, взял кувшин с вином, наполнил оба бокала и спросил: – Деньги у них есть?

Вопрос был несправедливый, год обучения в школе на самом простецком факультете бытовой магии стоил десять золотых, а учиться нужно три года. Так это можно сказать вообще не образование, так, ликбез. Обучение на бакалавра – это четыре года по восемнадцать за каждый, а на магистра и вообще шесть лет и не по восемнадцать, а по тридцать пять золотых.

Шен тоже это знал, поэтому как есть так и ответил:

– На учебу пока не хватит. Но как-то они в Вольном городе за три дня добыли четырнадцать золотых. При этом парень два дня без сознания в тюрьме пролежал.

Проректор посмотрел в окно. Солнце уже клонилось к закату. В принципе, всё уже было сказано. Всё было понятно. И он сказал поговорку, которая, по его мнению, была бы сей-

час очень кстати:

– Дай-то бог нашему теляте да волка загрысти. Пусть приходят. Ты кому их поручил? Морозовой?

– Ей.

– Ну, что ж, хорошо. У ней не забалуют. Пусть подготовит их и приводит. Всё?

Китаец, совсем не по-китайски залпом допил вино. Встал и прощаясь произнес:

– Да, Петя, это всё. Пора мне. Пойду.

Глава 1

– Ну, давай, подобьём твои бабки. – Девушка уселась на диван и прям-таки впилась в меня взглядом.

Я вздохнул и пристроился на стуле напротив. Курицу я выпустил из рук, и она начала медленный обход нашего жилища.

– Лера, – сказал я как можно спокойней, хотя какое тут к черту спокойствие. – Лера, бабки они не мои, они наши общие, если ты об этом. Но я имею ввиду положение дел в целом. Ту ситуацию, в которой мы сейчас оказались. Пони-маешь?

Я даже не пытался продемонстрировать безмятежность, только наличие присутствия духа. На что-то большее, в данный момент, силы воли моей не хватало.

– Небось не дура! Догадалась, что ты не про деньги. – Валери откинулась на спинку дивана, кстати, довольно приличного по меркам нашего мира.

Или только моего, Лерик-то она из семьи олигархов, наверное, и не такое видала.

– Давай, Саша, излагай.

Я набрал полную грудь воздуха, и не найдя что сказать выдохнул его обратно. Вот почему так всегда? Столько всего хочешь сказать, обсудить, мысли прямо череп распирают, но некогда. А тут тебе предоставляют возможность поделиться

всеми этими соображениями, такими важными и такими накопившимися. Прямо так и говорят: «Говори»... И всё! Все эти твои важные мысли, идеи гениальные разбегаются в разные стороны и прячутся в закоулках извилин. И рад бы, что-нибудь сказать, а не можешь. Нечего.

Подруга-сестра смотрела на меня и ждала. А я... Я обвел глазами комнату, может в поисках подсказки, а может просто осматриваясь.

Комната нам досталась вместительная, я бы сказал четыре на шесть. Зашторенное окно – напротив входной двери. Справа от входа дверь.

– Саша, ты уснул? – отвлекла она меня предсказуемым вопросом.

Я среагировал и обратил взор на подругу-сестру.

Лерка сидела посередине дивана, и это позволяло ей раскинуть руки на спинке.

Я перестал гадать, куда ведет дверь возле входа.

– Нет. Просто столько всего случилось, что... – я запнулся.

– Что, не знаешь с чего начать?

– Да. – быстро согласился я.

Мне как-то даже легче стало от таких Леркиных слов, и я начал с очевидного.

– Мы в параллельном мире. – я остановился в пояснении, чтобы набрать воздуха, и тут же был наказан.

– Да ладно! Кто бы мог подумать?! – Лерик деланно уди-

вилаась.

– Поверь на слово, – парировал я, и сразу же, развивая успех в перехвате инициативы, на одном дыхании выдал: – Россия. Век семнадцатый-восемнадцатый. Река, скорее всего Волга. Вольный город – скорее всего Ульяновск.

– Ульяновск?! Почему? – Лерка интересовалась совершенно искренне.

– Я, конечно, могу ошибаться, но места уж больно похоже. Озёра особенно. Бывал я в детстве в тех местах. Не похоже на совпадение. – Память услужливо подкинула картинки восьмилетней давности. – Ты речку в городе хорошо рассмотрела?

– Река и река. – Лерка похоже не понимала.

– Нет. Там есть большая река. Это Волга. И есть маленькая. – Я спохватился: – Ну, не то чтоб маленькая, но поменьше Волги будет. Это Свяга. Так вот она – Свяга – течет в другую сторону.

Девушка убрала руки со спинки дивана и озадаченно намурила брови. Похоже, что сказанное мною повергло девушку в недоумение. Она потупилась и спросила:

– Как это – в другую сторону?

Я воспрянул духом. Не заметила! Сейчас! Сейчас-сейчас! Мое лицо, наверное, в данную минуту демонстрирует причастность его владельца к великой тайне, которую знают даже дети.

Я собрался и начал:

– Свяга, она течет через город. Течет она – параллельно Волге, но в противоположную сторону, и впадает в Волгу же километров на двести выше по течению. – Я закончил свою тираду с гордым, даже победным выражением лица.

– Охренеть, – отрешённо выдала Лерка, и замолчала.

При этом она смотрела не на меня, а перед собой. Я почувствовал, что на этот гидрографический парадокс ей... без разницы, в общем.

– Сань, а сейчас мы где? – Лерик нарушила затянувшуюся паузу.

Мне даже стыдно стало. А, правда, ну, Волга, ну, Свяга. И чё? Мы же оттуда через портал ушли. Это значит, что сейчас мы можем быть за сто километров от этой самой Свяги. Не понятно даже в какую сторону.

Я больше не чувствую себя гордым носителем тайн. Сам себе я теперь представляю тупым бараном, или павлином, распушившим хвост.

Да! Ну-ка, Александр Анатольевич, напрягите память и ум наморщите, где в России на рубеже пятнадцатого с девятнадцатым веков были ещё основаны магические школы. Две под Ульяновском. А где остальные?

Расправленные было плечи поникли, и я, опустив очи долу... опустив очи полу, я сказал то единственное, что только и мог сказать.

– Я не знаю.

– Хреновато, – меланхолично подметила Валери.

Странно Валери совсем не злилась. В её голосе не было никакого ехидства, которым обычно сопровождается обложение оппонента «сверкавшего» своей эрудицией. Наверное, я сейчас не был оппонентом. Товарищ по несчастью, вот кто я.

Мы сидим посреди комнаты в гостинице, в городе, названия которого мы не знаем, в стране, отдаленно напоминающей Россию не понятно какого века.

Мы не знаем ни где мы, никогда мы. Крутологический замес! Вот уж точно! Главное – оказаться в нужном месте в нужное время.

– Сань, ты о чем сейчас думаешь? – Леркин голос вырвал часть моего сознания из пучины мрачных мыслей.

– Плохо всё. Даже не знаю, чё делать.

– Сашенька! Есть только один способ съесть слона.

Теперь Лерка завладела моим вниманием уже полностью.

– Какой? – спросил я в некотором изумлении.

– Кусок за куском. – Она смотрела на меня, и весь её вид говорил о спокойствии и решительности этой барышни. – Будем решать проблемы по мере их поступления. Утро вечера мудренее. Давай сейчас осмотрим номер и уже ляжем спать. День был слишком длинный.

Я оказался полностью согласен с Лериком. Я даже в слова «ляжем спать» не стал вкладывать возможные варианты скрытого смысла. Я ведь две предыдущие ночи провел на холодном полу, и всё тело моё истосковалось по нормальной

постели. Пара часов на лавке в Мраморной башне не в счет. Так что, спать! Сон – лучшее лекарство.

Но сначала осмотреться. И мы начали осматриваться.

Лерка начала первой, потому что она со своего места видела всю комнату, а я нет. Со своего стула я хорошо видел, только Лерку, диван, на котором она сидела и две двери. Нет, вру, ещё я видел какую-то полку в углу между дверями, входной и другой, таинственной дверью в правой стене. Опять вру, потому что правой эта стена считалась только тогда, когда заходишь в комнату, но я-то сижу лицом ко входу, значит от меня эта дверь слева. А я сейчас развернусь.

Представшее моим взорам пространство, ощущалось как просторное. Нет, мне, конечно же, доводилось помещения и побольше видеть, но для жилой комнаты эта явно крупновата. Присмотревшись, я пришел к выводу об ошибочности первоначального суждения: не шесть на четыре, а скорее семь на пять, или хотя бы на четыре с половиной. Ага, на четыре и пять! Завтра померяю. Хотя чем я завтра померяю? Завтра и придумаю, если завтра посчитаю, что это важно.

– Потолки метра три, наверное, – высказала предположение подруга-сестра.

Я поднял голову в «указанном» направлении.

– Да нет, поменьше. Два семьдесят. Хотя... – и тут, прям озарение какое-то, и я сразу выпаливаю: – Два восемьдесят пять!

Валери пялится на меня в недоумении.

– Ты, чо?! Померял что ли? – от удивления, причем явно-го такого, глаза у неё округляются, и я замечаю, что это делает её необычайно красивой. Пока я люблюсь, Лерка ждет ответа.

– Саня, почему два восемьдесят пять? – спрашивает она, не дождавшись.

Для меня снова наступает минута триумфа.

– Четыре аршина, – говорю я с таким торжеством в голосе, как будто разгадал главную загадку бытия.

– Четыре чего? – теперь Леркины глаза сузились. Ничего хорошего для меня это не обещало.

– Четыре аршина, – говорю я обречено, так как совершенно отчетливо понимаю, что поразить девушку элегантностью решения задачи так и не смог.

То есть поразить-то, конечно, смог, вот только, похоже, не мой день сегодня. К тому же «ещё не вечер» тоже не скажешь, потому что не вечер уже, а самый настоящий ночер.

– Метры ещё не придумали, сейчас на Руси саженьями меряют и аршинами. Сажень – это два метра четырнадцать сантиметров, а аршин – это семьдесят один сантиметр. – говорю я, стараясь при этом не особенно выпендриваться. Хватит уже умничать.

– Четыре на семьдесят один – это два восемьдесят четыре. Счетовод! – похоже, что сокурсница не оценила мои вялые попытки казаться скромнее.

– Ну, там ещё миллиметры какие-то, – виновато поправ-

ляюсь я. – Думал тебе не интересно.

– Про миллиметры? – произносит Валери, и я сразу поминую, что про миллиметры ей точно не интересно. – Про миллиметры мне фиолетово. Ты лучше скажи, что там за люстра?

Я стараюсь проследить взгляд девушки, и натурально немею. Под потолком действительно висит люстра, совершенно обычная по меркам нашего времени. Но вот именно, что НАШЕГО! Потому что она... электрическая!

Да нет!!! Показалось! Фу-у-у... аж от сердца отлегло. Но как-то же эти плафоны-шары должны светиться. Нет, не так! Светиться они светятся, и хорошо так светятся, ярко. Но вот как? В том смысле, что нам совершенно не понятно, за счет чего они светятся, да ещё и так интенсивно.

– Сань, у них здесь чё? Электричество есть?! – похоже Лерку тот же вопрос мучает, при чем серьезно так мучает.

Она встает и подходит ближе, пододвигает стул под самую люстру.

– Дай руку, – произносит напарница твердым голосом.

Я подаю руку и Лерка опёршись на неё залезает на стул. Я держу в ладони её очень холодные, почти ледяные пальцы и тоже всматриваюсь в плафоны, пытаюсь что-нибудь разглядеть. Насмотревшись вволю, девушка слезает со стула. Выпускаю её руку не без сожаления, все-таки красивая она. В смысле Лерка красивая, а не рука. Хотя и рука тоже.

– Вроде не электричество. А тогда что? – спрашивает она

и сама же отвечает: – Магия, наверное.

Я пожимаю плечами.

– Скорее всего, – говорю, стараясь не придавать голосу эмоциональную окраску.

А вот если бы я так сказал: «Магия, наверное», то мне бы это язвительное создание непременно выдало что-нибудь вроде: «Поздравляю Вас, Капитан Очевидность». Но я нарываться не стану. Не сегодня. Сегодня – не мой день.

Мы осматриваемся дальше.

Стул, который только что удостоился чести послужить нам в деле познания этого мира, стоит посреди комнаты рядом с торцом большого обеденного стола. Сам стол почти, что перегораживает комнату пополам, упираясь другим концом в левую стену комнаты. Левую от входа. Сама комната в длину, от входа до окна, метров семь. Стоп! Не семь метров, а десять аршин! Привыкайте, уважаемый Александр Анатольевич!

Вокруг стола стоят ещё четыре стула, по два слева и справа. Дальше вдоль левой стены уже почти в углу стоит эдакая штука хитрая, стол с какой-то надстройкой. Я бы назвал её секретером. Мне кажется, секретеры именно так должны выглядеть.

– Ко-ко-ко-ко...

Рядом с ним тоже стул предусмотрен. И на его подлокотнике разместилась на ночлег спасенная мною курица. Она проснулась, немного покрутила головой и снова успокои-

лась.

Потом стена с окном. Длину завтра померяю. В углу овальный журнальный столик.

– Сань, а эти не горят, – голос Лерика звучит озадаченно.

Пытаюсь взглядом найти причину растерянности подружки. Точно не горят! На правой стене над журнальным столиком похожий плафон, а над секретером сразу два. И все не горят. Хотя...

Уже горят. Это Валери к секретеру подошла. Оба секретерских плафона моментально зажглись.

– Магия! – восхищаюсь я.

– Нет, блин! Датчик движения! – раздраженно кидает мне Лерка. И как это она про капитана Очевидность ничего не сказала? Не мой день.

– Ну-ка, сядь в кресло, – говорю я, осененный запоздалой догадкой.

Всё предсказуемо. Плафон на левой стене услужливо зажегся, стоило Лерке лишь приблизиться к креслу. Магия.

– А тут что? – с этими словами Валери раскрывает сервант.

Сервант стоит у правой стены между вторым креслом и таинственной дверью, как раз напротив обеденного стола.

– Так. Так. Ага, – это она про чайный сервиз.

Вряд ли фарфор китайский, но и чашки, и блюда смотрятся очень прилично.

– Смотри, какая прелесть! – с возгласом восхищения,

кстати, искреннего, на свет извлекается чайник.

– Ух, ты! – я поражен не меньше.

Носиков у чайника два, и каждый выполнен в виде головы дракона на длинной шее. Только левый бледно голубого цвета, а правый сверкает золотом.

– Ну-ка, – с веселым любопытство Лерка снимает с чайника крышку, заглядывает внутрь. – Смотри! – и протягивает его мне, а у самой глаза прям сияют.

– Да! Хитро! – удивляюсь я. – Надо же, как просто! Наши бы до такого не додумались!

Внутри чайник разделен пополам так, чтобы можно было воду из одной половины наливать через левый носик, а из другой через правый.

– Почему не додумались бы?! Очень даже додумались! – и голос главное такой, вот как будто бы я лично её оскорбил. Нет, не мой день.

– Мне мама рассказывала, она у какой-то женщины лет десять назад такой видела. Она говорит, где-то у нас в области делают. Тоже какая-то женщина-дизайнер. Мастерская у неё своя. Авторская керамика. На заказ, – похоже Лерке этот рассказ в своё время запал, вот она и разошлась.

А я что?! Я разве спорю? Я просто не знал.

Подошла очередь Двери. Щас откроем, а там... А там Самара!.. Да, нет! Так нам не повезет. Лерка открывает Дверь, а я разглядываю полку в углу между дверями. Да это же вещь! И как я раньше не понял?!

За Дверью оказался коридор без окон, но с дверями. Ну, это как в загадке: «без окон, без дверей...» Здесь двери были. Целых четыре. Справа две и две слева. Лерка открывает ту, что слева прямо у входа. Там ещё одна комната. Что характерно, свет уже горит, а испускает его люстра очень похожая на ту, которая в зале. В зале, потому что это...

– Спальня, – констатирует факт спутница.

Ну, а как ещё может называться небольшая комната с кроватью? Спальня значительно меньше зала, метра... стоп! Стоп-стоп-стоп! Не метра! Щас скажу! В длину, пожалуй, две целых сажени, или шесть аршинов. Блин! Вот я – тормоз! Ведь сажень – это ровно три аршина! Блин! А в ширину метра два с половиной. А в аршинах сколько?

Пока я беру в уме сложный тройной криволинейный интеграл восьмого порядка, Лерка идет в правый дальний угол и, отодвинув ногой ненужный сейчас табурет, начинает придирчиво осматривать себя в зеркале. Я не сказал? Там трюмо. Ни одна девушка в здравом уме не упустит такой возможности.

Между трюмо и кроватью, которая стоит вдоль правой стены, одиноко скучает стул, совершенно такой же, как в зале. А что удивляться, с одного гарнитура, наверное. В левом дальнем углу почти у окна стоит платяной шкаф. Всё. В комнате больше ничего нет.

Лерка продолжает самоосмотр, а я выхожу в коридор и открываю дверь на правой стене. Свет моментально вспыхи-

вает. Прямо как в холодильнике. «Концевик», машинально констатирую я. Блин! Ну, какой концевик?! Да, не так просто расставаться со стереотипами мышления.

Осматриваюсь. На стене висит рукомоёйник, под ним на столике деревянный тазик с небольшим отверстием в середине. Это, наверное, местный аналог раковины. А вода, значит стекает... наклоняюсь, так и есть: пустая деревянная бадейка. Вот в неё вода и стекает. Рядом на табурете, наверное, чтобы не наклонятся, другая бадейка. А вот она почти до самого верха наполнена водой. И ковшик сверху плавает. С другой стороны от умывальника висит полотенце. К стене прибита небольшая перекладинка, вот на ней оно и висит.

За спиной у меня возникает Лерка.

– Ванная? – в её вопросе больше утверждения, но я всё равно отвечаю.

– Типа, да.

Мы разворачиваемся и выходим. Лерка опять впереди. Она открывает вторую правую дверь. А-а-а! Ну, конечно! Лерка резко поворачивается ко мне. Её ледяная ладонь упирается мне в грудь, и с неумолимой решительностью в глазах девушка выталкивает меня из коридора в зал.

– Посиди вон пока на диванчике! – с этими словами Дверь закрывается, и я слышу, как Лерка запирает её какой-то задвижкой.

Блин! А ведь мне тоже туда надо.

Я не сажусь на диван, а начинаю ходить по комнате.

Опаньки! Да я же по ковру хожу, как-то раньше не обратил внимания. Ковров на самом деле два. Один побольше почти квадратный от дивана до секретера и от стены до серванта. На нем стоят стол и стулья, кстати, а на столе-то скатерть, как и положено скатертям – белая. Второй ковер поменьше лежит у окна, от секретера до правой стены. На нем стоят секретерский стул, оба кресла и журнальный.

Так. А окно-то не зашторено. Родители приучили меня окна на ночь зашторивать, а то из темноты улицы освещенная комната как на ладони. Иду зашторивать.

– Ко-ко-ко-ко... – похоже я опять разбудил нашу курицу. Надо её утром куда-нибудь пристроить. И чего я вообще её таскаю-то? Орнитолог хренов!

– Спи-спи, – успокаиваю я птицу, как будто она и вправду может понять.

Занавесок две. Нет, не так. Два ряда. Ну, или две пары, два комплекта... Короче, две занавески, одна справа, одна слева и две шторы, тоже по одной слева и справа. Занавески тонкие, белые без рисунков, шторы шоколадно-коричневые, плотные тоже без узоров. Наверное, узоры здесь не в тренде, а может ещё не придумали. Задергиваю шторы. Кстати, от выражения «в тренде» лучше отказаться, звучит как-то корявенько, вдруг местные не правильно расслышат и поймут по-другому. Рассуждения о местных напомнили мне об одной нерешенной проблеме. И я погружаюсь в раздумья.

Звук открывающейся двери вернул меня в реальность.

– Слушай, Лер. Я вот, что подумал, – начал было я. Сделал паузу, соображая с что сказать дальше. – Мы же для местных брат и сестра?

– Да! Поэтому я на кровати, а ты на диване! – последовал моментальный ответ.

– Не-ет!

– Какой на хрен нет! На диване! – Лерка прямо вспыхнула, думал, убьёт.

– Нет, в смысле, что я не про это, – я постарался говорить как можно миролюбивее.

На счет того, что Лерка и вправду прибить может, ни разу не шутка. На черный пояс она ещё не сдала, но и коричневый совсем не мало.

– А про чё? – Девушка немного подостыла, но именно, что немного, потому что когда у неё «руки в боки», то ей по фигу, как у кого тубетейка надета.

– Ну, видишь ли, если мы брат с сестрой, то у нас должны быть одинаковые фамилия и отчество, – я подумал, что мне удалось придать диалогу конструктивности. – Вот у тебя как отчество?

– Я – Игоревна. Значит, и ты Игоревич, – делает заключение «сестра».

– Это почему?! Может лучше ты – Анатольевна? – моё возмущение хоть и натуральное, но какое-то неуверенное.

На самом деле я и правда, не уверен, что так лучше. Но сказать об этом я не успеваю, а Лерка уже начинает горя-

читься.

– Это чем эта Анатольевна лучше?! – шас меня убьют!

– Чем Игоревич! – иду ва-банк я.

Как ни странно помогло. «Сестра» поняла шутку и добродушно улыбается.

– Чё предлагаешь? – Лерка отсмеялась, и её вопрос уже как бы по делу.

– Ну, надо придумать себе историю. В смысле историю про то, кто мы, откуда, как и зачем попали сюда. Понимаешь? – я смотрю на девушку, похоже, мои слова на неё подействовали.

Валери больше не улыбается. Я молча стою у окна, там где шторы задергивал, а она в задумчивости подходит ко мне.

– Ты на хрена курицу сюда притащил, Игоревич? – похоже у меня теперь будет погоняло на случай действий, мягко говоря, не разумных.

Лерка смотрит на курицу, потом на меня, и, похоже, ей нужен ответ. Я смотрю на Лерку, потом на курицу, та не шевелится, наверное, уснула. Перевожу взгляд на Лерку. В её глазах вопрос не просто застыл, он там. В общем отвечать придется, и поскорее.

– Не знаю. Спасти хотел, – говорю и поминаю, что нет у меня внятного объяснения, своей неадекватности. Может согласиться на Игоревича пока не поздно?

– От кого? – «сестра» смотрит на меня в упор. И не дождавшись ответа, а как ей ответить, если я и сам не знаю,

выносит диагноз: – Бэтмен дебилный! Куда хочешь девай, но чтоб завтра её здесь не было!

Я молчу и киваю.

– Эй! Спасатель! – Лерка опять готова к диалогу. – Чью фамилию брать будем?

– Настоящие давай не будем говорить, – умнее я пока ничего не успел придумать.

Чтобы ускорить мыслительный процесс, начал чесать затылок. Говорят, что дураки всегда чешут затылок, когда думают. Я не то что бы считал себя дураком, но ощущал, это точно. По крайней мере сейчас. Нет, ну, правда, столько фамилий, а мне ничего умного в голову не приходит. Чтобы сказать хоть что-нибудь, а говорю:

– Да любую сказать можно, – и выжидающе смотрю на Лерку.

– Ага, например, Романовы или Рюриковичи! – её голос, не то что полон сарказма, там аж презрением повеяло. – Сашенька, нельзя любую! – теперь она как первокласснику разъясняет. – Здесь народу живет раз в сто меньше, чем в нашем мире. Здесь в такие совпадения не поверят.

Я это уже и сам понял. Ага! Сам! Сразу после «Рюриковичи» просто моментально. Чтобы хоть как-то реабилитироваться озвучиваю очевидную теперь вещь:

– Значит, Шереметьевы, Меншиковы и Апраксины тоже не подходят.

– И не только они, – отвечает «сестра» и садится в кресло

у серванта.

Шар-плафон моментально загорается. Магия...

– А может, утром придумаем? – вопрошаю я, подходя к другому креслу.

– Нет уж! Давай сейчас! И сядь ты уже! Что я снизу вверх говорить, что ль должна?

– Спать очень хочется, – делаю я страдальческое лицо, но всё же сажусь.

– Ты же сам только что сказал, что историю надо придумать, – говорит Лерка, и мне становится стыдно. А «сестра» продолжает: – История эта может завтра прямо с утра понадобится. И мы с тобой должны в ёлочку трещать, а то расколют.

– В ёлочку трещать?! – изумляюсь я.

– Показания фигурантов не должны разниться, – Лерка разъясняет для дебилов.

Я-то как раз знаю, что означают эти слова, но вот она где такого нахваталась? Чувствую, многое мне ещё не известно о моей теперь уж сестре.

– Придет Мозель по совершенно житейским делам постольцев проведать. Начнет спрашивать. А мы? – тут Лерка скорчила скорбную мордашку, изображая наш неубедительный ответ хозяину гостиницы: – Бе-е, ме-е, мя-ау. Если тебя после этого опять в какую-нибудь тюрьму посадят, больше спасать не пойду.

– Надо кого-нибудь такого, про кого здесь точно знать еще

не должны, – говорю я, глядя не на Лерку, а в пространство перед собой, так думается лучше.

– Путин! – выпаливает Валери. – Про него здесь точно никто не знает!

– Ага! А ещё Ельцин, Горбачев, Брежнев, Андропов! – я понимаю, что это не то, но начинать-то надо.

– Сталин ещё скажи! – Лерке тоже не нравится.

– Не-е-е, лучше Берия! – издевательски говорю я, Лерка прыскает. Процесс пошел.

– Ульянов, Молотов, Каганович... – начинает перечислять девушка, голова у неё запрокинута, и смотрит она не на меня, а в потолок. Наверное, ей тоже удобнее думать, глядя в пространство.

– Нет! Только не Каганович! – яростно протестую я.

– Ладно, – легко соглашается Лерка. – Полагаю, что Троцкий, Микаян и Орджоникидзе тоже не стоит?

– Калинин можно! – радостно восклицаю я, искренне надеясь, что с выбором фамилии определились.

– Нет! – почему-то резко возражает «сестра». – У меня один знакомый был Калинин. Неприятный тип. Валерия Калинина, – произносит, словно бы на себя примеряет и тут же кривится как от зубной боли: – Фу, блин! Как будто замуж за этого дурака вышла!

– Жуков, – говорю я, имея в виду, что Жуков-то уж точно дураком не был.

– Жуков – это как-то простовато. Мы же дворяне. Вот Ту-

хачевский подойдет, – при этих словах Леркино лицо стало каким-то благостно-мечтательным.

– Отпадает! – разрушил я её грёзы. – Тухачевский тоже дурак был, не хуже твоего Калинина. Его даже расстреляли за это. Лучше тогда уж Блюхер.

– С ума сошел! – всполошилась Лерка. – Ты знаешь, как Блюхер на русский язык переводится?!

И мы оба заржали.

– Чапаев? – Предложил я.

Валери оценивающе посмотрела на меня и выдала:

– Не тянешь ты на Чапаева. Харизмы в тебе нет.

Мы замолчали. Я обиженно, Лерка задумчиво.

– Подожди, – вдруг спохватывается она. – А почему это Тухачевский – дурак? Блюхера ведь тоже расстреляли.

– Блюхера не расстреляли, – даю я историческую справку. – Репрессировали – да, расстреляли – нет. Его забили до смерти, потому что не выдавал никого. В отличие от Тухачевского, который на первом же допросе всех сдал.

– Тогда он предатель, а не дурак, – Лерке почему-то не хочется, чтобы Тухачевский был именно дураком.

– Потому что и сам не спасся, – говорю я. – И других погубил. Знаешь, сколько тогда народа завалили?

– Сколько? – спрашивает Лерка с вызовом.

– Много! – выпаливаю я, а сам понимаю, что никакой конкретной цифры попросту не знаю.

Мы снова замолкаем. Только теперь наоборот, я задумчи-

во, а она обиженно. А чего вот обиделась-то, спрашивается?

Блин! Внезапная догадка, как вспышка в голове. Может быть, Лерка какая-нибудь дальняя родственница Красного Бонапарта? А его тут с дерьмом смешиваю. Да, нехорошо получилось.

– Чкалов, Покрышкин, Кожедуб, – предлагаю я варианты со стопроцентными героями.

– Чкалов... – она опять как будто примеряет фамилию. – Нет, как-то не понятно. Покрышкин... – снова примерка фамилии. – Нет, не дворянская фамилия, а Кожедуб вообще на Кожемяку похоже.

– Чем тебе герои народного эпоса не нравятся? – спрашиваю с наигранным возмущением, хотя и сам, конечно, понимаю, что здесь всё оценят не так.

Опять молчим. На этот раз задумчиво молчим оба.

– Народный эпос, говоришь? – глаза у Валерика светятся. – Почему обязательно народный? Просто литературный герой! – и выдает: – Румата Исторский!

– Это кто? – кто он я и, правда, что-то не помню.

Лерик удивлена не меньше.

– Ну, как же?! «Трудно быть богом». Что? Не читал?

– Не-ет. – я отрицательно мотаю головой, а сам пытаюсь понять, насколько всё плохо.

– Ну, там, на одной планете... – начала было девушка, и осеклась. – Ладно, потом расскажу.

– Исторский? А чё, пойдет, – я тоже, как Лерка приме-

риваю фамилию. – Исторские? Нормально так звучит. Александр Руматович и Валерия Руматовна.

– Валерия Антуанетта Руматовна! – поправили меня очень гордым голосом.

– О, как! Ах, простите, Ваше Сиятельство! – склоняюсь я в шутовском поклоне.

Лерка делает вид, что надменно смотрит на меня сверху вниз. Мы оба смеёмся.

– Знаешь, чё, Валерия Антуанетта?! – говорю я уже серьёзно. – А не кажется тебе, что «Руматовна» звучит как-то по-татарски?

– Чем тебе татары не угодили? – удивляется Лерка. – Ты что, националист?

– Я-то нет, а вот тут не так давно иго, знаешь ли, было. Что характерно татаро-монгольское, – лезу я с новой исторической справкой. – Может местные к таким отчествам и нормально относятся, а может, и нет. Давай опыты ставить не будем. Мало ли.

– Что предлагаешь? – «сестра» смотрит на меня вызывающе.

Я задумался. Вот опять, тебе говорят: «Говори!», а ты как воды в рот набрал. Наконец, собравшись с мыслями, начинаю новый тур выборов.

– А других героев войны ты не рассматриваешь? Да хоть бы и маршалов, например.

– Будёнов и Ворошилов? – Лерка брезгливо морщит губ-

ки. – Не-а.

– Только Будённый, а не Будёнов. Но я не их имел в виду.

– А кого Малинкова? – «сестра» и эту кандидатуру не одобряет.

– Малинков? Нет. Ну, в смысле Малинков он тоже какой-то шишкой был, но не маршалом. Маршал – это Малиновский.

– Малиновский? Красиво! Давай Малиновскими будем.

– Только ты, тогда как няня Пушкина будешь, – вставляю я шпильку.

– В смысле старая? – не понимает Лерка.

– В смысле Родионовна. Малиновского-то Родион Константинович звали! – мне отчего-то радостно, уел Лерку.

А она про что-то задумалась, вот как будто какую-то мысль поймала и над ней думает. Точно. Сейчас выдаст. Я не ошибся в прогнозах, выдаёт:

– А кто здесь вообще может знать, как его звали? Да и не всё ли равно? А вдруг мы какие-то другие Малиновские? А даже если и те же самые? Только мы не дети, а внуки, или даже правнуки. Может такое быть? – спрашивает Лерка и тут же отвечает: – Да запросто! – и продолжает голосом человека, принявшего твердое решение: – Значит так, будем Малиновские Константиновичи. Всё!

– А маршал нам кто? – спрашиваю, потому что никакого не всё. Всё только начинается!

– Да пофиг! Хоть прапрадедушка! – Лерка похоже ещё не

понимает.

– А папу нашего как звали? – стараюсь сделать голос как можно ехиднее.

– Для особо тупых, Константином! – раздраженно так отвечает.

– А по батюшке? – и ехидства, ехидства побольше.

До Лерки похоже дошло. Она смотрит на меня в упор, и молчит, словно ищет ответ.

– Константин Родионыч его звали! Доволен? – ей кажется, что вопрос решен.

– Ага! – говорю. – А дедушку Родион Константинович! Прадедушку – Константин Родионович, ну а уж прапрадедушка тот как раз и был Родион Константинович маршал Советского Союза и дважды герой. Так что ли?

– А хоть бы и так! Не нравится? Сам придумывай! – Вспылила Лерка. – Каганович Мухтарбек Лаврентьевич! – прямо пригвоздила строптивного меня.

– Хорошо-хорошо, мы Малиновские. Я – Александэр Константинович, ты – Валерия Антуанетта Константиновна, – быстренько соглашаюсь, потому что ночь на дворе. Но один вопрос меня гложет. – Почему у тебя двойное имя – Валерия Антуанетта?

Лерка прямо в кресле принимает аристократическую позу, и с маской великосветской надменности на лице, объясняет сиволапому плебею:

– В нашей семье такая традиция, у всех двойные имена.

Я – Валерия Антуанетта Константиновна младшая, а ты – Александр Семион Константинович старший. Понял?

Я не понял. Вот что-то мне тут не нравится. Не пойму, что, но не нравится сильно. Что-то здесь основательно не так. Но обсуждать некогда, поэтому предлагаю компромис:

– Лер, давай до завтра побудем просто Александром Константиновичем и Валерией Константиновной, а завтра с младшими Семионами разберемся. Ага?

– А чё? – Валери не довольно хмурит брови.

– Понимаешь, так-то звучит красиво, даже пафосно, но только... что-то не так в этом во всём. Не знаю, не разобрался пока, – взгляд мой блуждает по комнате в поисках подсказки, но её нет.

Молчу.

– Хорошо, а откуда мы? – спрашиваю после долгой паузы.

– Малиновские, значит из Польши, – с готовностью отвечает Лерка. – Фамилия же польская.

А, так вот в чем дело! Ей просто польские фамилии нравятся. То-то я смотрю Тухачевский, Исторский, Малиновский... Всё понятно!

Но есть проблема. Я поляком не хочу быть категорически. Не нравятся они мне. Всегда они против России. Со времен Минина и Пожарского постоянно нам пакостят. Кстати, а нет ли напряженности в отношениях и сейчас? Кроме того, самой Польши в данный период времени может и не быть! Ведь и немцы, и французы, когда на нас завоёвывать прихо-

дили, всегда через Польшу шли. Посему предлагаю Лерчику не рисковать. Как ни странно, но она соглашается практически сразу. Правда, теперь моя очередь придумывать нам родину.

– Лера, я щас быстренько один стратегический объект осматрю, и вернусь. Хорошо?

– Иди уже, – улыбается. – Стратег!

И я иду. Свет за дверью сразу же загорается. Не-е-е, не концевик. Если бы был концевик, то когда дверь закрывается, свет бы сразу гас. А он горит. Датчик движения. Тьфу, ты черт! Опять! Блин! Ну, какой концевик?! Какой на хрен датчик?! Это ж магия, мать её!

Разобравшись с «неотложными» делами, выхожу и... А сюда-то мы не заходили! И я открываю четвертую дверь. Свет как обычно включается сам. Спальня. Только другая. В смысле вторая спальня. И обставлена так же. Вау! А уж думал, что и правда на диване спать придется. Пронесло.

– Лерка! – зову «сестру».

Она появляется со словами:

– Не ори, ночь на дворе. Хочешь, чтоб соседи проснулись?! – говорит она тихо, но укоризненно. – Так. А там у нас что? – и подходит ко мне.

Девушка заглядывает внутрь, несколько секунд смотрит молча, потом резко произносит:

– Чур, моя!

– Хорошо, – соглашаюсь я. – А почему эта?

– Здесь обои бежевые, и ширма есть.

И как я сам про обои не догадался? Ага, дел у меня других нет, обои разглядывать! Ну, её так её. Мне без разницы. Блин! Спать уже хочется, а легенду себе мы ещё не придумали. Говорю об этом вслух и предлагаю отложить на завтра.

– Нет, давай сегодня хоть основное придумаем! – Лерка не соглашается, но по ней видно, что тоже устала.

– Тогда, – говорю, – по-быстрому!

– Мы откуда? – это теперь уже Лерка задаёт мне мой же вопрос.

– Вот так вот, да? – гневно смотрю на неё.

– Что, «вот так вот»? – теперь и она заводится. И руки в боки.

Ух, ты! А ни фиги! Не прокатит!

– Это я спрашиваю: «откуда мы?»! – возмущаюсь я.

– И чё?! – Лерка сама непреклонность. – Польша тебе не нравится – предлагай сам!

Я хватаю ртом воздух. Она права. Получается, сейчас я должен что-нибудь предложить.

– Может, в зал пойдём? – говорю примирительно.

– Пошли, присядем. В ногах правды нет, – Валери вроде как соглашается, но топор войны не зарыт, и альтернативу Польше искать всё-таки мне.

Мы заходим в зал. Лерка садится на диван, а я опять на стул напротив неё. Молча смотрим друг на друга, она выжидательно, а я... Я туплю.

Лерка ждет, я туплю. Наконец выдавливаю из себя сомнительную мудрость:

– Нужно что-нибудь подальше отсюда, чтобы не дай бог земляков каких не встретить, – говорю и прямо выдыхаю от облегчения.

– Аргентина подойдёт? – с вызовом вопрошает Лерка.

– Там конкистадоры всякие, – пытаюсь я вспомнить хоть что-нибудь об Аргентине.

– Что? Не достаточно далеко?! – Лерка даже не пытается сдерживаться. – Тогда Антарктида!

Опять молчим. В этот раз оба думаем.

– Австралия подойдет? – не знаю, чего в её голосе больше издёвки или интереса.

– Не знаю, – мямлю в ответ. – Не думал пока.

– А когда собираешься?

– В Австралию? – ляпнул я первое, что пришло в голову.

– Думать!!! Думать когда собираешься?

– Ну, – я начинаю думать в прямом эфире. – Австралия, конечно, далеко.

– Тонко подмечено! – всё-таки язва она.

– Ну, это в смысле, что земляков вряд ли встретим, – чуть выжидаю, вдруг опять от Лерки какой-нибудь комментарий прилетит. Обошлось. Продолжаю уже спокойней. – Это потому, что добираться оттуда далеко. – Делаю паузу. И зря.

– А тогда мы как добрались? И главное, зачем?

Прямо с языка сняла! Вот как с ней говорить? Ведь это же

я сейчас спросить хотел. Блин!

– В школе магической поучиться, – говорю, чтобы сказать хоть что-нибудь.

– Ага! За семь вёрст киселя похлевать! – Лерку мой ответ явно не устраивает.

Да он, собственно, и мне не нравится. Чушь какая-то! Пока я мысленно корю себя, меня добивают.

– Саша, Австралия – это такой остров. Огромный как материк, но остров. Туда посуху не доберешься. – Лерка пристально смотрит мне в глаза, а я ответить не могу.

– Лер, ну чё ты в самом деле? – мысленно я уже сдался. – Ну, давай не Австралия будет. Зимбабве что ли?

– Сань, ну какой Зимбабве?! – моя тупость раздражает подругу. – Зимбабве, Саша, это в Африке. А у нас загар неподходящий. Пусть уж лучше Австралия.

– А как мы добрались тогда? – спрашиваю поникшим голосом. Вот интересно, в первоначальном варианте я этот вопрос должен был задавать по-другому. Обличающе так задавать. А что вышло?! Трудно с Леркой. – Лер, там же и на корабле-то плыть не переплыть, а потом ещё по суше сколько! Если напрямую через Афганистан, то там горы. А в обход через Китай, такой крюк, что и за год не доберёшься. В общем, пипец какой-то!

– А мы на ковре-самолёте! – говорит Лерка с каким-то вызовом.

Я от неожиданности хлопаю широко раскрытыми глаза-

ми. Даже не знаю, что и сказать. Ну, какой к чертям собачим ковёр-самолёт?! Откуда ему здесь взяться?! Это ж сказки натуральные! Ваще не реально! Так и говорю.

– Саша! А порталы – это реально? А бытовая магия? А просто магия – это, по-твоему, реально, Саша?! – Лерка прямо сама не своя. Но она права. – Сам подумай, как мы ещё в этот Урюпинск попасть могли?

– Через портал, – я чувствую, что нашел единственно верное решение.

– Сюда мы через портал и попали, – не сдаётся девушка. – Но из Вольного города. А в Вольный город как попали? – спрашивает и сама же отвечает. – Пешком. Из этой деревни... Ну, как эта Чувырловка называлась? А, ладно. А в Чувырловку как? С неба свалились? – и сама же: – Бли-и-ин!!! Да мы же туда и правда, с неба свалились!

– Точняк, Лерка!!! – я вскакиваю. Мне хочется прыгать, махать руками, ногами от радости, но я сдерживаюсь. – Бли-и-ин!!! – я счастлив, наконец-то всё разрешилось!

Нет, не всё! Я перестаю радоваться.

– Лера! Есть одна неувязочка! – произношу и жду реакции от подруги.

С неё тоже спадает эйфория, но она ещё пока не понимает.

– Какая неувязочка? – спрашивает Лерка, осторожно так спрашивает, как будто ждет какого-то подвоха.

– А ты помнишь, что в «Чувырловке» с неба мы свалились совершенно голые? – спросил я, потому что, на мой взгляд,

это очень важный факт, и его как-то надо объяснить.

Лерка не отвечает. Просто смотрит на меня и молчит, только взгляд у неё непривычный, оценивающий такой взгляд. Словно, думает, отвечать мне или нет.

– Саня! Ты же неглупый парень, придумай сам что-нибудь. Я уже спать хочу.

Спать! Конечно же, спать! Да, Лерочка! Да, солнышко! Завтра я встану и всё-всё придумаю. А сейчас, спать!

Глава 2

Я сплю.

Мне снится Сталин. Он в своём маршалском мундире с орденами. Он герой Советского Союза. Даже дважды. Не знал.

Сталин стоит и смотрит на меня. В правой руке он держит свою знаменитую трубку. Но сейчас Отец народов не курит. Чаша трубки зажата у него в кулаке, а мундштук торчит между средним и указательным пальцем. Как будто Лучший друг физкультурников фигу показывает. Трубкой. От пристального взгляда Великого вождя мне становится неуютно.

Сталин показывает в мою сторону мундштуком-фигой и что-то говорит. Звука не слышно. Как в немом кино. Только титров нет.

Сталин опять что-то говорит, только говорит он не мне, а Ивану Грозному. Иоанн Васильевич стоит слева от Сталина. В руке у него длинный посох. Сам царь одет в длинные, до пола золочёные одежды, на голове Шапка Мономаха. Смотрит на меня. Смотрит левым глазом. Взгляд его полон праведного гнева. Всё как на картине Васнецова. Сталин что-то говорит ему. Грозный молча кивает. Мне уже жутковато.

Справа от Сталина из сумрака выступает высокая фигура. Это Пётр Первый. Он тоже смотрит на меня. Они все смотрят на меня молча. Внезапно Петр Первый отвечает

справой увесистого леща Николаю Второму. Тот, наверное, понимает, что заслужил, и как бы оправдываясь, показывает своему великому предку на что-то у меня за спиной.

Сталин тоже показывает туда своей трубкой и что-то говорит. Звука по-прежнему нет. Я оборачиваюсь. Там за большим столом с двумя микрофонами сидит ВВП. Сталин о чем-то спрашивает Путина. С присущим ему спокойствием Российский президент начинает отвечать генералиссимусу. Все внимательно слушают. Даже я. Хотя мне, как раз ничего не слышно.

В конце рассказа Путин показывает рукой куда-то вправо от себя. Все смотрят туда. Там стоит растерянный Горбачев. Он пытается говорить, но Сталин быстро произносит какое-то слово. Из-за его спины сверка стёклами пенсне выходит Берия. Сталин отдает односложный приказ. Я не мог его слышать, но я его понял. Понял и Берия. Понял и достал револьвер. Тут же своё слово сказал Иван Грозный, тоже только одно. Бесцеремонно отодвинув плечом Лаврентия Палыча, плотно сбитый бородатый мужик двинулся к Горбачеву, на ходу вынимая саблю. Берия прицелился. Первый президент СССР в страхе закрылся руками.

Выстрел. Его я слышу, но только его. Я почему-то зажмуриваюсь. Не знаю, зачем это нужно во сне, но всё равно зажмуриваюсь.

Открываю глаза. Рядом с Горбачевым стоит Тухачевский, он удивленно смотрит на тёмное пятно, расплывающееся у

него на груди. Колени его подгибаются, он медленно заваливается. И тут мир начинает ходить ходуном.

– Вставай уже!!! – мне орут прямо в ухо, и трясут за плечо.

Я открываю глаза.

Лерка, завернутая в одеяло, концы которого она прижимает левой рукой к груди, правой рукой так тормозит меня за плечо, что изображение реальности дробится на пиксели.

– Вставай, бэтман хренов! – орет она, а глаза просто огнём горят. – Иди, выключай свою долбаную кукушку!

– Чё?! В институт? – спросонья я не помню, как Лерка у меня оказалась.

– Да какой институт?! – щас у неё истерика будет.

Бли-и-ин! Так мы у неё что ли?! Родители пришли!.. Вот чёрт!!! Я вскакиваю. Куда??? В шкаф? В окно? Чё так рано?!

Как ни странно, во взгляде девушки нет и намека на панику, только злость и какое-то запредельное раздражение.

– Курица твоя прям с утра раскудахталась! Ни свет, ни рассвет! Она тут горланит, а ты дрыхнешь? Сволочь! – спич завершается пинком по кровати, за ним подгоняющий толчок в лопатку ничего не понимающему мне. И руководство к действию: – Иди уже!

– Родители где? – спрашиваю через плечо я, но всё равно иду, куда толкают.

– Нет у нас родителей! В Австралии остались. Сироты мы. – Злости в Лерке уже нет, а вот раздражения...

Я выхожу в коридор. Возможности остановиться мне не

дают. Попытки замедлиться тоже пресекаются. Но говорить я пока ещё могу.

– В какой Австралии? – что она мелет? Блин. Каша в голове. Ничего не понимаю.

– В австралийской! – односложно отвечают мне.

Из-за двери доносится звонкое кукареканье. Это ещё что?

– Ты зачем петуха притащила? – ничего не понимаю.

Как спать хочется!

– Граф один знакомый подарил! Когда сватался!!! – чушь какую-то несёт.

Дверь открывается. А-а-а! Вот мы где! Я сразу всё вспомнил. На спинке стула у окна как на жердочке сидела курица и задорно кукарекала.

– Заткнись! – крикнул я на неё и обессиленно плюхнулся на диван.

Блин! Как спать хочется. Я заваливаюсь на бок, закидываю ноги и засыпаю. Тут же меня начинают тормошить снова. Ну, что за свинство! Открываю глаза.

– Лер, ну только лёг! – я обижен, потому что никакие курицы не кукарекают, и раздражен, потому что спать не дают.

– Слышь, ты, Талькалёк! – звучит надо мной насмешливый голос подруги по несчастью. – Ты только лёг часа три назад! – говорит она, а сама улыбается, но скептически так. Или иронически. Блин!

– Блин! Лер, ну только лёг же, а! – Выдавливаю из себя я.

Голос мой звучит страдальчески. И то сказать! Страдаю

же.

– Вставайте, граф! Вас ждут великие дела! – торжественно произносит Лерка.

– Я чё? Граф?! – удивленно таращусь на неё. И тут вспоминаю её недавние слова. – Так это я тот граф, который тебе курицу подарил?!

– Балда! – смеётся Лерка. – Это такими словами Сен-Симон приказал слуге будить его.

До меня начинает доходить.

– То есть, я к тебе не сватался?

– Нет. И в спальню ночью не ломился, – она добродушно улыбается.

– А это хорошо или плохо? – апатично вопрошаю я. И уточняю на свою голову: – Ну, что в спальню не ломился.

Лерочка превращается в Валери. Ну, может не до конца. По крайней мере, больше не улыбается.

– То, что не ломился – хорошо, – говорит она вкрадчиво. И тут же, но уже грозно: – А вот тебе сейчас будет плохо! Вставай, давай!

Последние два слова можно было бы так обыграть! При других обстоятельствах. Но не щас! Щас и, правда, «плохо» может приключиться.

Вставать, значит? Сажусь на диване. Начинаю осматриваться. Чтобы навести резкость, закрываю глаза и растираю всё лицо руками. Вроде помогло.

Вторая попытка осмотреться. Я лежу на диване в положе-

нии «сидя». Ну, я же лежал. Вот как лежал, так и сел. У меня откуда-то взялись подушка и одеяло. Откуда-то! Лерка принесла, откуда ещё. Блин, ну, что я за свинья?! Она вон ко мне как! А, я?

Скверно.

Пока придаюсь унынию, в голову лезут самые нелепые мысли. Вот, например, слово «сквер». Оно, что происходит от слова «скверно», или наоборот? Ну, что за бред?!

Третья попытка осмотреться. Шторы и занавески на окне раздвинуты. В комнате светло. Наверное, уже день. Надо посмотреть. Встаю. С облегчением понимаю, что какие-то кальсоны на мне всё-таки надеты, а то совсем уж нехорошо бы получилось.

Курица прохаживается по ковру и звуков не издает. Тоже не плохо. Иду к окну. На полпути останавливаюсь. Разворачиваюсь, иду обратно. Ибо нехрен. Ну, в самом деле, какого икса голым в окно высовываться? Да хоть бы и по пояс. Не хватает ещё, какие места людям в окошко показывать. Заворачиваюсь как Лерка в одеяло, беру подушку и ковыляю к себе. В сари из одеяла шибко не побегаешь.

У себя бросаю подушку на кровать, снимаю одеяло, начинаю осматриваться. У меня окно никто не расшторивал. Так правильно, меня же не было, а Лерке ни к чему, у неё своя комната есть. Ага, вот они! Надеваю брюки. А, может, сначала умыться? Выглядываю в коридор. Дверь в Леркину комнату закрыта, значит, можно сначала умыться, а уже потом

одеваться. Чтобы брюки не забрызгать, я ведь особой аккуратностью не отличаюсь.

Иду в «ванную». Брюки на всякий случай с собой беру.

В рукомойнике воды на полковшичка. Смотрю в бадейку. Пустая, ковшик на дне лежит, тоже пустой. Заглядываю под «раковину». Так и есть! Полная. Не иначе, Лерка заплыв устраивала. Кто первый встал, того и тапки. И тут я замечаю, что в «ванной» появились крайне полезные вещи. А я только-только подумал, как же зубы-то чистить?

На стене противоположной от перекладины с полотенцем, появилось небольшое зеркало. Хотя вчера я его мог и не заметить: не о том думал. Под зеркалом полочка, на ней кружечка с зубными щетками, маленькая коробочка, такие ещё табакерками называют. Открываю, так и есть: зубной порошок. Просто счастье. Рядом кусочек мыла. Даже не кусочек – обмылок. Ну, так Лерка на полную, поди, развлекалась.

Щетки мне не понравились. Щетина мягкая какая-то, а это неправильно. Пока размышлял про щетину, обнаружил другую, четырёхдневную. Расстроился. Начал искать бритву. Не нашел. Расстроился ещё сильнее. В расстроенных чувствах пошел к себе.

Твою мать! Штаны в ванной забыл. Бегу назад за штанами.

Одеваю рубашку, брюки. Так, тут же ещё эти... лямки на штанинах, с ними теперь возиться. Так-так-так! А носки у меня были? Блин, не помню. Надо у Лерки спросить. Пинж-нак с карманами одевать не стал. По номеру ходить и без

него можно, а на улицу я пока ещё не выхожу. В зеркале я, конечно, пугало натуральное. Небритый, непричёсанный, не поглаженный. Срамота! Но это ничего. В окно уже без зазрения совести смотреть можно. Вот я и посмотрел.

Окна наши выходят на задний двор с хозяйственными пристройками. Для «лучших апартаментов», как отрекомендовал вчера наш номер господин Мозель, вид не самый подходящий. С другой стороны: а куда должны выходить окна спален? Ну и ладно. Как говаривал в таких случаях один знакомый отставной кавторанг: «Да не факт!» Хотя, по совести сказать, говорил он не «не факт», а «не фак». В том смысле, что «без разницы». Вот и нам пока не важно.

Прямо за забором заднего двора гостиницы было поле, а дальше километрах в трёх начинался лес. И простирался во все стороны, сколько взгляда хватало. Заведение господина Мозеля, стояло на холме, поэтому взгляда хватало километров на тридцать, а может и на все сорок. Блин! Не километров – вёрст. Но это если прямо смотреть. А если смотреть на право, то видно, что гостиница хотя и стоит на холме, однако не на его вершине. И в ту сторону ещё много всяких зданий. Двух – трёхэтажных, но нежилых. Похоже, это и есть та самая магическая школа, в которую мы «прибыли».

Слева тоже было поле, но поменьше, где-то с полкилометра. Блин! Саша! Нет здесь километров! С пол версты! Привыкайте, Александр Анатольевич! Тьфу ты черт! Не Анатольевич! Договорились же вчера с Леркой, что мы теперь Ма-

линовские. Привыкайте, Александр Константинович! О! Даже Александр Семион Константинович. Ста-а-арший! Чё придумала?!

За полем начинается город. Город не маленький. Хотя откуда мне знать, как здесь выглядит большой город? По крайней мере этот не меньше Вольного. Надо сходить разведать. С Леркой идти или одному пока? Пойду, спрошу.

Лерка была в зале. Я оказался прав. Весь вид её говорил о том, что она в ванной не только зубки почистила. Она, по ходу, и голову изловчилась помыть. Я пока шел, хотел у Лерки расческу спросить, но, похоже, что и у неё нет. А вот и ответы ещё на два вопроса. За каким я попрусь в город? И один или с Леркой? В город я пойду один, потому что Лерка в таком виде ни за что не пойдёт. А пойду я туда за расческой. За расческами – себе тоже надо купить. Уж на них-то у нас денег точно должно хватить.

На моё предложение сходить в город за покупками, ну и, что осмотреться, конечно. Лерка отреагировала на удивление спокойно, и, что ещё более удивительно конструктивно.

– Только сначала позавтракаем, – сказала она совершенно обыденно. – Сейчас Аннушка принесёт завтрак, поедем и пойдём.

– Какая Аннушка? – я озадачен, потому что вчера мы не о каких Аннушках не договаривались.

– Горничная, ну, или коридорная, я не знаю, как правильно, – поведала мне «сестра». – Она приходила пока ты

дрых. – И уже с упрёком: – Петух твой, по ходу, всех перебудил. Она как раз из-за него и приходила. – Лерка не выдержала и засмеялась. – Наверное, подумала, что это ты себе будильник на четыре утра поставил. Вот и прибежала узнать, в котором часу завтрак барину подавать?

– И? – я чувствовал, что пропустил до хрена всего.

– Ты уже всю храпел, а я уже НЕТ! – Лерка сердилась.

– А она? – я сел на диван.

Лерка глядя на меня тоже села в кресло у окна. Плафон не зажегся. Похоже кроме «датчика движения» ещё и какой-нибудь «фотоэлемент» стоит.

– Она спросила про петуха, спросила, когда подавать завтрак, – Валери закинула ногу на ногу и продолжила. – Очень обрадовалась, что ещё не шас.

– А ты? – мне хотелось наверстать упущенное.

– А я, – Лерка опять сделала паузу. – А я попросила принести что-нибудь для утреннего туалета. Аннушка и принесла мыло и зубной порошок.

– А чё бритву не принесла? – недовольно поинтересовался я.

– Ну, я и без бритвы обошлась, – похоже, Лерке понравилась возможность поизмываться надо мной.

– А мне как? – недоумевал я.

– Тебе идёт, – продолжала издеваться она.

– Мне так не нравится, – ситуация мне решительно не устраивала.

– Что ж, братец, начинай привыкать!

– Кончай глумиться! Мне так неудобно! – Попробовал возмутиться я.

– Неудобно на потолке спать: одеяло спадает! – эта бестия просто лучится от счастья.

Да, нарезался я с этой курицей. Стоп. Кукарекает не курица, а петух! А, блин, точно! Лерка же так и сказала.

– Ну, а делать-то теперь чё? – решил я проигнорировать её колкость.

– Не спать на потолке!

– Лера!

– Не Лера! А Валерия Антуанетта младшая! – сказала, как рублем одарила.

– Лер, давай не надо это... – я пытался подобрать нужное слово, но не преуспел.

– ШТО не надо? – похоже, она глумится надо мной.

– Ну, Антуанетты там всякие, и особенно про младшую, – высказал я свое мнение.

– Это ещё почему? – с вызывом спросила Валерия Антуанетта.

– Понимаешь, если ты – Валерия Антуанетта Константиновна младшая, то это означает, что была ещё и старшая, – перешел я на лекторский тон. – И вот что характерно, тоже Валерия Антуанетта и, опять-таки Константиновна.

– В смысле? – Похоже Лерка реально не отдупляет.

– В том, солнышко, смысле, что подобная формулиров-

ка вопроса предполагает, наличия в нашей семье ещё одной Валерии Антуанетты Константиновны. – Переводя дух, я не без удовольствия заметил некоторую растерянность «сестры». Успех нужно закреплять. – Это должна быть обязательно близкая родственница, тётя например.

Лерка задумалась. Хороший признак!

– А нашего отца как звали? – спросила она, наконец.

– А ты не помнишь? – настало моё время издеваться.

– Саня!!!

– Константин Родионович Малиновский, – сообщил я «сестре». – Хотя, может ещё какой-нибудь Ополинарий или Полуэкт ... Средний!!! – Последнее слово я как бы выкрикнул, стараясь, обратить внимание на его нелепость.

– Почему Полуэкт? – удивилась Лерка. И сделала это как-то уж очень натурально.

– А разве я придумал Валерию-Антуанетту и Александр-Семиона? – Вот теперь пускай Лерка сама выкручивается из глупой ситуации.

Молчание было мне ответом. Но я всё же решился на контрольный в голову.

– И вот если у «младшей», какое-никакое объяснение найдётся, то со старшим-то, что делать?

– А что тебе не нравится? – Блин, ну, опять она наезжает.

– А что это означает – «старший»? – Я постарался выглядеть преподавателем на экзамене.

– Ты чё не знаешь, что значит слово «старший»? – в её

словах... да не только в словах во всём читалось какое-то, презрение что ли. Типа «Ты чё, ващпе?!»

– Что оно означает, я знаю, – сдержанное раздражение. – Я не понимаю, НА ХРЕНА ОНО!!!

– НЕ ОРИ!!!

Пауза. Я смотрю Лерке прямо в глаза. Похоже, она злится. Плевать.

– Короче, я в эти игры играть не буду! – Я откидываюсь на спинку дивана и, как Лерка, закидываю ногу на ногу.

Она сверлит меня взглядом. Но я не сдаюсь.

– Я – Александрэ Константинович, ты – Валерия Константиновна. Всё, никаких старших-младших! – потом смягчаюсь и добавляю, но уже на полтона ниже: – Валерия Константиновна или, если уж очень хочешь, то Валерия Антуанетта, и лучше без отчества.

– Это почему?! – меня тоже глазами больше не испепеляют.

– Звучит очень коряво. Сама-то послушай! – И, придав голосу издевательскую интонацию, стараюсь, чтоб звучало по-нелепее: – Валерия Антуанетта Константиновна. Каково?!

Лерка задумывается, наверное пробует осмыслить.

– Правда, как-то не очень, – нехотя соглашается она. Но потом, воспряв духом выдает: – А вот «Валерия Антуанетта Константиновна младшая» – это звучит гордо! – и голову скидывает, вот, мол, я какая.

– Слушай ты, Константиновна младшая... – тут меня пре-

рывает осторожный стук в дверь.

– Прошу, – произносит Лерка эдак милостиво.

Входная дверь открылась, и в комнату вошли две девушки, одетые почти также, как Дарья. Каждая несла по подносу.

– Завтрак, ваша милость! – очень приветливо сказала первая, ставя свой поднос на стол.

– Спасибо, Аннушка! – и Лерка тоже – сама любезность.

Пока вторая девушка сервировала стол, та, которую Лерка назвала Аннушкой, достала из кармана передника расческу и протянула её моей «сестре».

– Вот, Ваша милость, Вы гребень просили, – сказала она и сделала легкий книксен.

– Ой, какой красивый! Аннушка, а где я смогу себе такой же купить?

С моего места расческа мне была невидна, но Леркины слова прозвучали так, как будто это и впрямь нечто шедевральное.

– Так на рынке же, Ваша милость! – как о чем-то само собой разумеющемся сообщила Аннушка, и тут же, повернувшись ко второй горничной полушёпотом: – Глашка, в умывальнике приберись.

Та послушно пошла в указанном направлении. Когда дверь за ней закрылась, Лерка обратилась к девушке:

– Аннушка! – сказала она вкрадчиво. – Мы с братом прибыли в ваш город вчера слишком поздно, и ничего тут не знаем. Не могла бы ты объяснить подходчивей, как нам сей-

час на рынок попасть. – И словно извиняясь: – Мы, видишь ли, уж очень налегке прибыли. Много чего подкупить понадобится.

– А вы непременно сейчас на рынок-то хотите? – похоже, что она хочет предложить нам что-то предварительно сделать.

– Сначала позавтракаем, – улыбнулась моя «сестра».

– А Вы, Ваша милость, в баньку сперва не желаете? – хорошо, что она это не у меня спросила, а то бы и не знал что ответить.

– Перед завтраком? – забеспокоилась Лерка.

– Перед тем, как на рынок-то пойдете, – очень вежливо ответила Аннушка. И уже мне: – Вам барин не предлагаю, мужской-то день вчерась был. А вот сестрице Вашей сегодня в самый раз будет, и народу немного нонче.

– Очень хорошая мысль! – это Лерка, очень радостно. Мне только что язык не показала. А я бы тоже в баньку-то не прочь, четыре дня не мылся.

– Аннушка! – я решил позаботиться и о себе. – А нельзя ли мне бритву принести?

Девушка посмотрела на меня, наверное, оценивая степень моей потребности в бритье и сказала:

– Я сейчас Терентия пришлю, барин. Он и побрить сможет, коли прикажете.

– Очень тебе признателен! – улыбнулся я как можно более доброжелательно.

В этот момент в зал вышла Глаша, и вопросительно взглянула на напарницу. Та кивнула ей, и обе, сделав лёгкий книксен, молча удалились.

Я посмотрел на Лерку и спросил:

– А чаевые дать не надо было?

– Не знаю. Спроси-ка ты лучше у Мозеля, а то вдруг здесь не принято.

Позавтракав пшенной кашей, варёными яйцами и пирогами, перешли к обсуждению дальнейших планов.

Их было много, не пирогов и яиц, хотя и они были в достатке, а планов. Почему-то считается, что когда планов очень много, просто неприлично много, нужно говорить «Планов громадьё», при чём именно «Планов громадьё», а не «Громадьё планов». Есть ли у Вас план, мистер Фикс? Есть ли у меня план?! Есть ли у меня план?! Да у меня пять мешков отличного пакистанского плана!

А у нас не было никакого! Проблемы были. Задачи стояли. Идей просто уйма, и мыслей хоть отбавляй. А как всё это осуществлять? Ну, хоть начать-то с чего? Вот этого у нас не было.

Сошлись на том, что Лерка идёт в баню. И если бы она сама это не предложила, то я бы её ещё и не туда послал. Я же, побрившись и получив консультацию от Терентия, иду в город. Точнее на рынок. Узнавать, где там и что продают, и главное почём. Как она мне список не написала, просто ума не приложу! Хотя, конечно, путешествовали мы и впрямь

налегке. Список необходимых покупок был бы огромным, а финансы наши ограничены. Так что пока только разведка.

Постучав, и получив разрешение, вошла Аннушка. Убирая со стола, девушка всё поглядывала на нашу курицу, и наконец, спросила:

– А вы петушка для магии привезли?

Валери недоумённо воззрилась на птицу, потом её взор бетонной плитой упал на меня.

– Да нет! – мрачно сказала она, всё сильнее придавливая взглядом бедного меня. – Это его Александэр Константинович от смерти спасал.

Горничная хихикнула. Лерка посмотрела на девушку, и непринуждённо улыбнувшись, поинтересовалась:

– Аннушка, а нельзя ли птичку нашу пристроить куда-нибудь?

Вопрос не то, что бы поставил девушку в тупик, но она серьёзно задумалась.

– Вы его потом забирать будете? – уточнила она, имея в виду петуха.

– Александэр, это к тебе вопрос.

Я совсем не ждал, что Лерка стрелки на меня переведёт, но готов всё равно не был.

– Нет, – сказал я помявшись. – Не будем. Пусть живёт где-нибудь, да и всё.

– А-а-а, ну тогда Глашку пришлю. Она заберёт, – потом посмотрела на меня и спросила: – Терентию сказать, чтобы

бритву принёс?

– Аннушка, а он побрить меня сможет? – я знаю ответ, просто не знаю, как попросить.

– А чё ж не сможет, сможет, коли прикажите, – повернулась к двери, и уже оттуда: – щас пришло.

Дверь за горничной закрылась, и мы снова остались вдвоём.

– Лер, ты носки мои не видела? – спрашиваю, потому что сам не нашёл, а без носок непривычно.

– Я их постирала, на батарее сохнут, – говорит Лерка каким-то отстранённым голосом.

Я как дурак бросаюсь к окну. Ну, ни фиги себе! Носки мне постирала! У окна я остаиваюсь. Как водой холодной облили. Какая батарея?! Ну, я идиот!!! Поворачиваюсь к Лерке, в глазах вопрос: «Что это было?»

– Ты чё, Сань, ваще с катушек слетел? – непонятный наезд. – Я, блин, за носками твоими следить должна?! Где снимал, там и ищи! – и, отворачиваясь, бурчит: – Охренел! Вот судьба братца подкинула.

Весь оплеванный иду в свою комнату, искать носки. Добросовестно облазив всю комнату, прихожу к выводу, что носков у меня больше нет. Пока нет. Я ж сейчас на рынок пойду, там и куплю. Но это если они там продаются, вдруг их ещё не изобрели.

Открывается дверь, входят обе девушки и мужик лет сорока, не сказать, чтоб высокий, пониже меня будет. Ну, так

во мне 182 сантиметра роста. Александр Константинович! Нет здесь сантиметров. Два аршина и ещё вершков сколько-то. Блин!

Одет мужик в черные штаны, аккуратно заправленные в начищенные сапоги. Рубаха на выпуск и жилетка. Фуражку с головы он сразу снимает. Кстати, у самого мужика шикарная борода, простая, но ухоженная.

– Доброва здоровычка! – говорит он и снова по очереди почтительно, но без подобострастия кланяется сначала мне потом Лерке.

– Куды поставить? – это Глаша Терентию.

– Куда прикажете, Ваша милость? – это Терентий мне.

– Сашенька, ты же в своей комнате бриться будешь? – это Лерка мне.

– Да у меня там бардак, – смущенно бормочу я.

– Анютка, прибери, – это Терентий Аннушке.

– Глаша, пойдём, – это Аннушка Глаше.

– Братец в дальней комнате расположился, – Лерка всем.

Горничные несут в мою комнату деревянную бадейку с водой, глиняную мисочку и ещё что-то некрупное, из-за размеров не разобрать.

– Глафира! – кричит Терентий вслед девушкам. – Воду подогрей.

Блин, а как она её подогреет? Смотрю на Лерку. Похоже этот вопрос одного меня только и заботит. Не успел я, как следует удивиться, а Глаша с Аннушкой уже вернулись.

– Подогрела? – вопрошает Терентий.

– Как велели, Терентий Акимыч, – обе девушки делают книксен и удаляются.

– Пойдемте, Ваша милость, – я поднимаюсь и иду в свою комнату, Терентий сразу же за мной.

Открываю дверь и удивляюсь: в комнате всё прибрано, кровать застелена, а бритвенные принадлежности расставлены на столике у трюмо. Правда, самой бритвы нет, наверное, она у Терентия.

– Извольте, барин, – Терентий придвигает мне стул. Я сажусь.

Бритва и в самом деле оказалась у Терентия, как и помазок, и полотенце, и ещё широкий кожаный ремень. Бритва, представляла собой стальную пластину шириной в два пальца и длиной сантиметров двадцать пять, и помещалась в чехле из толстой кожи. «Жилет, лучше для мужчины нет!» Похоже, пятилезвейные станки здесь не популярны.

Терентий взбил пену в глиняной мисочке, покрыл ею мои щеки и подбородок, несколько раз ширкнул бритвой по ремню и начал. Я счел за благо не докучать ему вопросами, да и вообще шевелиться поменьше. Опасная бритва – это вам не шутки.

Процесс прошел довольно гладко, и на удивление быстро. Похоже, опыт у мужика огромный. Так он, наверное, и не первый год здесь постояльцев бреет. Что странно вода, которой Терентий смывал пену, действительно была тёплой.

– А как же Глафира воду смогла подогреть? – не удержался я от вопроса.

– Так она, Ваша милость, ворожить обучена. Но токма по хозяйству, – сказал Терентий, вытирая бритву о полотенце и убирая её в чехол. – За то её хозяин и держит.

И тут мне в голову совершенно без стука пришла одна важная мысль.

– Терентий Акимыч, эта услуга, должно быть, не входит в стоимость аренды комнат? – предположил я.

– Мудрёно как-то Вы, барин, сейчас завернули, – почесал затылок Терентий. И добавил: – Вы, Ваша милость, шибко не утруждайтесь с отечеством-то меня величать. Терентий, али просто Акимыч, коли желаете, а с отечеством – это лишнее. Мы – люди простые, нам не положено.

– Акимыч, сколько денег тебе за труды? – спросил я, полагая, что обращение просто по отчеству будет уместнее.

– Скажите тоже, барин! Сколько денег?! – воскликнул Терентий. – Да и полушки-то много, не то что целой деньга! Разве что от щедрот полуполушку дадите, то-то и ладно будет. А деньга – это куды стока! Развежь я парихмакер какой?!

Я пошел за деньгами к Лерке. Она высыпала на стол всю мелочь, и мы начали искать полуполушку, попутно гадая, как она может выглядеть. Из спальни появился Терентий. Он нес бадейку, в которой плавала мисочка с помазком.

– Акимыч! Мы тут в замешательстве, – сказал я, указывая на россыпь мелочи на столе. – Как она эта полуполушка

выглядит?

Акимыч степенно так ставит бадейку у входа, вытирая руки о полотенце, которое теперь перекинута у него через плечо, подходит к столу. Какое-то время он внимательно смотрит на монеты. Потом аккуратно взяв одну из них в руки, вертит её перед глазами.

– Нет здесь полуполушек, барин, – грустно вздыхает он. – А и была бы, не подошла б. У Вас, Ваша милость, все монетки-то филаретовские. А они подороже наших.

Мы с Леркой невольно переглянулись.

– Нюрашка сказывала, что Вы, Ваша милость, на рынок собирались. – Терентий взял со стула свою фуражку, по-моему, она правильно картуз называется. – Вы прежде у хозяина деньги-то на наши перемените, чтоб платить-то сподручней было.

– Акимыч, – у Лерки как-то так получилось обратиться к Терентию, что получилось одновременно и ласково-уважительно и по-барски. Дворянка, мать её! – А филаретовские деньги, они насколько дороже местных?

– Ну, – Терентий помял в руках картуз. – За одну ихнюю деньгу дают одну нашу с полушкой. – Вроде так.

Мы с Леркой снова переглянулись. Вот так запросто стали в полтора раз богаче. И я подумал ещё одну финансовую проблему решить. Ну, не проблему конечно, но знать всё же надо.

– Акимыч, мы люди приезжие местных порядков не зна-

ем, следует ли нам Анне с Глафирой тоже каких-нибудь денег дать?

– Лишнее это, барин! – решительно отмел Терентий. – Нече их вертихвосток баловать! Да и Дмитрий Францевич не одобряет.

Опять мы с Леркой переглянулись. Строго тут у них. Вопрос с чаевыми закрыт.

Терентий наконец-то нахлобучил картуз и собрался уходить. Но я остановил его.

– Акимыч, в бане сегодня женский день. А могу я где-нибудь сполоснуться?

Терентий вздохнул, ненадолго задумался и изрек:

– Ежели токма ковшичком из кадки на спину слить.

– Подойдёт! – Обрадовался я.

– Полотенце захватите, Александр Константинович! – как бы напомнила Лерка.

Я вот только не понял про Александр Константиновича: это она сейчас шпильку вставила или сообщила Терентию как ко мне по имени-отчеству обращаться?

Мы с Терентием вышли на задний двор, как раз на тот, куда наши окна выходили. Подошли к бочке с водой, я отдал полотенце Акимычу, снял рубашку, положил её рядом на поленницу дров и приготовился к омовению. Терентий взял ковчик, зачерпнул воды и сказал:

– Сперва на руки, барин. А то вдруг больно студеная.

Я послушно подставил руки. Вода была холодной, но не

настолько, чтоб совсем. Вытерплю. На всякий случай глянул на окна. Лерка не подсматривала.

– Давай! – сказал я Терентию и наклонился.

Ё!!! БЛИН!!! АААууу!!! ХАЛОДНАЯ!!! Аж дыхание перехватило. Да-а-а-а... когда на руки – это не так, а на спину... Блин! Как будто обожгло, только холодом.

Сжав волю зубами в кулак, начинаю яростно растирать руками. Это помогает. Ну, вот присутствие духа уже восстановлено. Выпрямляюсь. Терентий вопросительно смотрит на меня. Похоже он всё понял. Делаю несколько вдохов. Мужество покинувшее было меня возвращается, хотя и не сразу. Делаю ещё один глубокий вдох. Говорю Терентию:

– Давай! – и, зажмурив глаза наклоняюсь.

В этот раз не так холодно. Я отфыркиваюсь и растираюсь. Терентий подает мне полотенце.

– Ну, будя, барин, – говорит он снисходительно. – Хорошего, его же помаленьку надо, а то ведь слишком хорошо тоже нехорошо.

Я вытираюсь молча, молча беру с поленицы рубашку, молча её надеваю. Но один вопрос задать нужно.

– Акимыч, а как на рынок попасть?

– А Вы, ваша милость, извиняюсь, за какой надобностью? – спрашивает в ответ Терентий. – Уж, не за бритвой ли?

– Ну, и за бритвой тоже, – я понимаю, что наше странное появление вызывает много вопросов у всех. И на все это

вопросы надо подобрать ответы. Более или менее правдоподобные.

– Бритва, тавить, ана ежели без сноровки – опасная штука, – говорит Терентий. Похоже ему уже понятно, что я именно без сноровки.

– Так ты ж меня научишь, Терентий Акимыч? – как бы в шутку спрашиваю я и улыбаюсь.

– А чевошь не научить-то хорошего человека, Ваша милость? – отвечает Акимыч и тоже улыбается.

Глава 3

Рынок Армагорска

По всем очевидным признакам заблудиться я не могу. По крайней мере, по дороге на рынок, потому что идти мне нужно всё время прямо. Если точнее, то вперёд.

Дорог в город ведёт три. Не как в сказке: налево пойдешь от жены огребёшь. А просто три. Средняя как раз и ведёт на рынок.

Перед выходом в «свет» я снова проинструктирован Лериком, и даже снабжен некоторой суммой денег. Уже местных.

Дмитрий Францевич любезно согласился помочь нам в нашем затруднении. Теперь у нас на руках сорок восемь рублей шестьдесят две целых и три четверти копейки в местной «валюте». Единственная полагавшаяся нам полуполушка, перекочевала к Терентию, которого, кстати, почти все здесь звали Акимыч. А вот с полуполушкой у нас получилось бы шестьдесят две и семь восьмых копейки.

Сорок восемь рублей по местным меркам деньги не просто не малые, а почти состояние. Вот только на обучение в магической школе всё равно не хватит.

Хреново. Но поскольку платить-то ещё не завтра, то будем, есть слона по частям. День за днём. В каждом полке свой кус. Как сказал бы подполковник Ревега с нашей воен-

ной кафадры.

В числе прочего Акимыч посоветовал сегодня бритву на рынке не покупать. Ибо на рынке всё равно хорошую не купить. Через три дня он и сам на рынок собирается прикупить разных припасов. Ну, а ежели у барина времени достанет дык он с превеликой радостью лавчёночку-то спокажет, в кой справный струмент торгуют за не дорого.

Облачившись в сюртук – это так на местном диалекте именуется мой приталенный пинжак с карманами – и картуз, я пошел на разведку нашего нового мира.

Солнце светит мне в левую лопатку, не так уж и сильно припекая. Хорошо, что сюртук я всё же надел – без него мне оказалось бы слегка прохладно. Дорога, по которой я иду, совершенно заслуженно относилась бы у нас к разряду грунтовых. Откуда здесь асфальт?! Но, утоптана основательно, и широкая, зуб даю, два «КамАЗа» случ чё разъедутся.

Никаких дорожных знаков, указателей или рекламных щитов не размещалось ни на самой дороге, ни на полях вдоль неё. А очень пригодились бы знания о том, что, где и в какую тут цену. Но нет! Хотя ещё и не город. Да тут и осталось то!..

Город предсказуемо начинался с пригорода, ну, то есть с домов с огородами. Правда, при въезде, ну для меня-то при входе, имелся объект, который у нас назывался бы «блок-пост». На нём, на этом объекте, «загорали» трое солдат. Моё появление интерес у них вызвало несильный, так поглазеть, не больше. Спрашивать у них дорогу не имело смысла, по-

тому что та, по которой я сейчас шел, как раз и приведёт меня на рынок. Если только я сам с неё не сверну. А я не собирался.

Пройдя пригород, который я про себя обозначил как «частный сектор», я увидел дома посерьёзней. Приусадебные участки при них поменьше, а сами они побольше. Сначала преобладали простые пятистенные дома.

Когда-то в детстве бабушка читала мне какую-то книжку, и там говорилось про пятистенный дом. Я тогда ещё спросил у неё, зачем строить пятиугольные дома, моему детскому разуму это представлялось неудобным. Отсмеявшись, бабушка объяснила, что это значит на самом деле, и как-то позже даже показала. И вот теперь, вооруженный этими знаниями, я легко распознавал пятистенки среди других образцов деревянного зодчества.

Потом всё чаще стали появляться двухэтажные дома, но всё ещё преобладали строения из дерева. И то сказать, лес тут не далеко.

Чем дальше я шел, тем чаще встречались каменные дома, даже трёхэтажные периодически попадались.

А вот, наконец, и рынок.

Я подошел с того края, где продавались продукты. В смысле продовольственные продукты. С передвижных лотков торговали в основном в розницу. С крытых прилавков торговцы позажиточней продавали уже и мелким оптом. Народу хватало, и продавцов, и покупатели имелись, но не вот

«не протолкнёшься».

Походив по рядам, я посмотрел ассортимент. Продавали в основном разные молочные продукты: масло, сметану, творог. Мёда было много, рыбы, сала, даже мяса. А вот овощи и фрукты всё больше солёные, мочёные да квашеные. Наверное, сейчас здесь только начало лета и не сезон. Продавали и птицу в основном живую.

Пройдя дальше вглубь рынка, я увидел и животных, овец там всяких, коз, ну и само собой КРС. Даже нескольких лошадей видел. Я, конечно, не знаток, но мне кажется, это были простые рабочие лошадки, не предназначенные для верховой езды.

Встречались мне и скобяные изделия, но всё больше какие-то упрощенные, для крестьянского хозяйства что ли. Пока я рассматривал выбор товаров одного из «павильонов», продавец, а может и владелец «заведения» – такого же крытого прилавка – понаблюдав за своим странным и немногочисленным покупателем, спросил:

– Подыскиваете чего, барин? – ну, прямо как в каком-нибудь «Эльдорадо». Мэнэджэр, блин, по продажам.

Я начал быстренько соображать, что ему сказать, нельзя же вообще ничего не ответить. Посмотрел внимательно, чего у него нет, и вдруг вспомнил, что в Мраморной башне явно не хватало замка.

– Скажи любезный, а где я могу посмотреть замки?

– Замки? Э-э-э... – Похоже, мне удалось вывернуться.

Вроде не без дела глазею, а со смыслом. Опять же совет какой-никакой дадут. Наверное. Нет, точно дадут.

Растерявшийся было торговец, нашел кого-то глазами и прокричал:

– Эй, Микола! – и призывно замахал руками. – Подь сюды. – И уже мне: – Сей момент, Ваша милось, у их всяки запоры есть, и на анбар, и на шкатулку каку.

К нам подошел невысокий молодой человек, одетый почти как Терентий, ну, разве что малость победнее. Он быстро окинул меня своим цепким взглядом, и вопросительно уставился на торговца.

– Микола, тута вот барин замок спрашивали, так я тебя и покликкал.

«Покликкал»?! Я еле-еле сдержался. Покликкал! Ага! На сайт он, блин, зашел! Микола-собака-замок-точка-Русь!

Микола посмотрел на меня уже по-доброму заинтересованно. Ну, как же, потенциальный клиент!

– Какой замочек желаете, Ваша милость?

Я немного замялся. Я ведь ничего не собрался покупать. По крайней мере, сейчас. Но разговор требует продолжения.

– Нельзя ли осмотреть выбор возможных вариантов? – Вот. Пускай пока подумает, что это значит, а я как раз посоображаю над дальнейшим развитием диалога.

Микола ожидаемо завис секунд на пять.

– А не желаете, к нам в лавку пройти, Ваша милость? – выдал он, наконец.

– Очень желаю, – сказал я, обрадованный этим приглашением. – А далеко идти?

– Да нет, Ваша милость. Вон там, за рядами, – и он показал рукой куда-то туда.

– Веди! – бодро ответил я, и совсем было хотел добавить «Сусанин», но одумался.

И мы пошли. Оказалось, что я и половины рынка не видел. Что только тут не продавалось?! Нет, ну, даже не глядя можно сказать, что никаких джинсов, кроссовок или сотовых телефонов здесь попросту не может продаваться! Так я и не о них. Зато лаптей, валенок, сапог, хомутов, корзинок, горшков... Видимо-невидимо!

Повсюду снуют разночинные люди. А как ещё одним словом назвать посетителей этого места? Одеты все по-разному, в смысле разной степени достатка, «кто в парше, кто в парче, ну, и так, вобщем», но все сообразно временного периода. Шум их голосов сливается в сплошной гвалт, но вроде бы русскоязычный. Это не может не радовать.

Я старался не отстать от моего провожатого, но и он тоже постоянно оглядывался, контролируя наличие подопечного. А подопечный – я – вертел головой по сторонам. Так, а как же?! Надо ведь выяснить, что здесь продаётся, и почём оно тут. Правда, понять уровень местных цен никак не получалось. Я не смог разглядеть ни одного ценника, по совершенно банальной причине. Их тупо не было! От слова «СО-ВСЕМ»! Ладно, с этим можно подождать.

Но тут мы выходим на открытое пространство. Открытое, потому что здесь нет лотков, а вот народу хватает. И весь этот народ толпится вокруг чего-то. Из этой толпы доносится ранее неразличимый голос:

– А вот кто Трофима побьёт, тому рупь серебром! – голос зазывалы заставил и меня остановиться.

Я не собирался драться с неведомым Трофимом, просто провожатый мой повернулся ко мне и предложил:

– Ваша милость, а может, глянем? – в глазах его светился какой-то мальчишеский азарт. – Никто ещё Трофима не побил. Вдруг сегодня кто найдётся!

Я никуда не спешил, да и посмотреть на уровень местных рукопашников, тоже не помешает. Мы начали проталкиваться сквозь толпу. Люди неохотно, но всё же расступались.

Оказавшись «в первом ряду» я начал осматривать «арену». Она представляла собой пространство примерно так пятнадцать на пятнадцать метров (а может меньше, я ведь всё-таки без рулетки пришел) середина которого застлана старыми вытоптаннами коврами.

На «татами» стояли двое. На самом деле кто из них кто, и так понятно. Конферансье одетый как Микола с Терентием как раз и оглашал рыночную площадь призывами одолеть Трофима. Рядом стоял мужичара, всем своим видом изображавший непобедимого Трофима. Но, не смотря на очевидное, я всё же спросил своего провожатого:

– А Трофим где?

– Так вон тот, что с зазывалой рядом стоит, – ответил Микола, ничуть не удивившись моей недогадливости. – Здоровущий, страсть! – Последнюю часть фразы он сказал с каким-то восхищением.

Я посмотрел на Трофима внимательнее. Крупный, конечно же, экземпляр, но, помнится мне, что Емельян поздоровей этого будет. Или был... Да, ладно. Всё равно Микола вряд ли его когда-либо встречал, ему сравнивать не с чем. Чтобы скоротать время решил продолжить расспросы.

– И что, никто никогда его не побеждал?

– Не-е-е, – протянул Микола. – Да разишь, его сладишь, медведяку такого?!

– Очень сильный? – глупый, конечно, вопрос, но про что-то же надо говорить.

– Подковы гнёт! – восхищенно ответил Микола.

Я помолчал, придумывая, что бы ещё спросить.

– А правила какие? – наконец-то меня посетила стоящая мысль.

Микола повернулся ко мне. Он явно не ожидал такого вопроса. Я спохватился и начал объяснять:

– Я только вчера приехал. Местных порядков не знаю, – сказал и, совсем как Штирлиц, подумал, а не сболтнул ли я чего-нибудь лишнего.

– Ну дак, Ваша милость, можно до первой крови, можно, кто кого на лопатки положит, – похоже Микола был большим поклонником таких развлечений. – А можно кто кого с ног

собьёт.

– И что? Он во всех этих номинациях чемпион? – спросил я с сомнением. Слишком уж разные стили должны быть.

Потом видя в глазах Миколы замешательство, вызванное непониманием диковинных слов, я переспросил:

– И что, Трофим по любым правилам всегда побеждает?

– Дык а как же! – Воскликнул Микола, подбодрённый интересом с моей стороны к его любимому развлечению. – Вон он какой здоровенный!

– Нихто ишшо Трошку на земь не сбивал! – раздался голос у меня за спиной. – А штоб на лопатки... Не народился такой богатырь!

– Скажешь тоже, не уродился! – это уже другой голос, но тоже сзади.

– Да кажись его в прошлом годе Гришка-стрелец заломал. – Вступил в разговор кто-то третий.

– Ну, не велика доблесть, с пьяным-то сладить! – похоже, Трофим здесь был если и не популярен, то уж точно знаменит. – Чего ж он здесь-то не выходит? Али рупь серебром мало?

После фразы про рупь пошли смешки. Причём насмехались и над Трофимом, и над неизвестным мне Гришкой. Ни Гришка-стрелец, ни Трофим не были народными любимцами в полном смысле. Трофим нет-нет, да и устраивал пьяные дебоши, а Гришка-стрелец «как он есть княжий цепной пёс» выступал в роли душителя свободы.

– А до первой крови, это как? – На всякий случай поинтересовался я у Микола.

– Ну, дак, кто кому первый кровь пустит, тот, значится, и победил, – Микола говорил это глядя в пространство перед собой, наверное, обдумывая слова для объяснения очевидного. – Губу разобьет, али юшка из носа. – Добавил он на случай, если бестолковый собеседник всё же не понял.

Тут всеобщее внимание привлёк человек, вышедший на «ринг». Мужик к дистрофикам точно не относился, хотя Трофиму габаритами всё же малость уступал.

– С тюменского обоза, видать! – предположил кто-то за моей спиной.

– Здоров мужик! – Восхитился другой голос.

– Да не-е, Трошка по крепше будит!

Микола оживился, предвкушая яркий поединок. Похоже, он не был фанатом Трофима, а вот хороший бой ему явно по душе.

Тем временем мужик снял картуз и отдал подошедшему товарищу.

– Сладились! – произнес с азартом чей-то голос сзади.

Мужик же, достав из кармана штанов что-то мелкое, отдал зазывале.

– На себя поставил! – Загорелся Микола, похоже, это признак чего-то интересного.

– Что это меняет? – я постарался спросить так, чтобы не выглядеть полным идиотом.

– Ну, вот он сейчас денег за себя дал, – жаром начал объяснять мой провожатый. – И ему теперь за победу тоже накинут!

– Победит тот, кто сошьёт противника с ног. Победителю рупь с полтиной! – громко выкрикнул зазывала.

– Видать, тоже не со слабого десятку! – незримый собеседник сзади. – Теперь держись!

– Да! Теперичи пойдёт потеха!

Бойцы встали лицом к лицу в трёх шагах друг от друга. Толпа подбадривала обоих, среди местных хватало народу, кто жаждал поражения Трофима. Не любят его здесь, ну, или не все любят. Зазывала-конферансье он же рефери ритуально взмахнул рукой, и бой начался.

Соперники попросту стали месить друг дружку. Нет, не так, они старались нанести противнику наиболее мощные удары. Для этого то один, то другой широко размахивались и били куда попадут. При этом боец, которому предназначался удар, не уворачивался и не старался отбить кулак соперника, а наоборот старался ударить сам. Я уже начал думать, что это правила такие, но тут «тюменский» сделал шаг назад, и Трофим по инерции пролетел вперёд. Через пару шагов он остановился и повернулся в врагу, противник же его никак не воспользовался преимуществом, и тоже просто повернулся к Трофиму.

Ну и бойцы! Ни техники, ни тактики!

Трошка сделал обманный выпад с левой и сразу же дви-

нул «тюменцу» в челюсть. Того повело, но он мало того, что устоял, так ещё и сам не хило приложил местного. Трофим отшатнулся на два шага и тоже устоял. Толпа взревела.

– Ванька, наддай! Ща рухнет! – крикнули из толпы. Наверное, «тюменцы».

И тут же подхватили местные антифанаты Трофима:

– Давай, Ванька! Вали Трошку!

Ободренный Ванька ринулся в атаку, но тут уже Трофим среагировал на опасность и поставил блок левой рукой. Неуклюжий такой, но блок, а сам саданул с правой тюменцу по ребрам. Потом размахнулся левой и ударил в голову. Ванька устоял, но отступил. Трофим видя, что руками не достанет, пнул соперника. Это был первый удар ногой за весь бой! Я бы классифицировал его как маэ-гэри, но уж больно всё коряво, хотя... Хотя попал! Попал он куда-то толи в живот, толи в бедро. Иван, чтобы не упасть попятился и... и упал. Вот только упал он не от удара. Он просто споткнулся. Запнулся пяткой о складку ковра, и упал на спину.

Трофим с победным криком моментально вскинул обе руки вверх, и, потрясая ими, забегал по коврам. Иван тем временем поднялся, и пошел было в атаку, но тут же выбежал зазывала-рефери и, преградив ему дорогу начал кричать про то, что Трофим победил. Выбежали трое «тюменцев». Я не мог слышать, что они говорили, потому что говорили уже все. Кто-то просто говорил, кто-то кричал. Как ни странно, но в этом всеобщем гвалте я всё же разбирал не только от-

дельные слова, а и целые фразы.

Публика частью ликовала от победы над пришлыми, часть считала победу не честной, кто-то даже призывал продолжить.

– Эх, Ванятка, што ж ты так? – сокрушенно проговорили за моей спиной.

Я повернулся. Там стоял высокий худой старик, пожалуй, даже не старик ещё, но седая борода говорила о преклонных уже годах. В его глазах застыла горечь поражения.

– Из ваших! – постарался спросить я как можно участливее.

– Да нет, – вздохнул собеседник. – Баят, с тюменским обозом они здесь.

– А я думал, за своих... – тут я чуть было не сказал «болеете», но спохватился и подобрал слово, на мой взгляд, более подходящее, – Переживаете.

– А за своих, сынок и переживаю, – произнес старик, глядя на арену. – Думал, хоть эти ему охальнику укорот дадут. Да эвано как! Запнулси и всё!

– Трошке честью одолеть или как всё едино! – Микола тоже решил принять участие в нашем разговоре. – А уж подножку не поставить, так это и не Трофим!

– Эх, вот кабы Гришка-стрелец вышел, тот бы ентова абармота за холку бы потрепал!

– Да не-е, куды ему?! – вмешался в диалог пузатый мужичек, стоявший за спиной у Миколы. – Разве что с пистолем! –

и сам засмеялся над своей шуткой.

Я повернулся к старику и спросил, стараясь подражать местному говору:

– А от чего ж Гришка не выходит?

– Не досуг ему, мил человек, – грустно проговорил тот. – Служба у Николай-Михалыча, да и хозяйство на ём не малое. – Помолчал и добавил, – Не досуг ему празный народ веселить. – Мне показалось или в голосе старика звучала какая-то безысходность.

– Да у него у Трошки у этого техники никакой. Так руками машет и всё! – забывшись решил я подбодрить старика. Понравился он мне, хороший дед, правильный.

– Ага! Он вот такту рукой маханёт, головёнка и отлетит! – влез опять пузан.

На этот раз над его шуткой смеялось уже порядочно народу.

– Это если попадет, – парировал я.

– А ты сходи, можа и увернёсси разок-другой! – пузатый мужичёнка был явным сторонником Трофима.

Тут что-то во мне перевернулось, в таких случаях полковник Палкин говорил, что планка упала. Трофим, говорите! Гришка-стрелец! Щас!!! Стоп!

– А ногами бить можно? – спросил я у пузана. Я и сам видел, как Трофим пнул тюменца. Но мало ли...

– Можно, ежели попадешь. Токма не в мотню! – и заржал. – А то разозлится Трошка, как есть, разозлится!

– Да-а, тоды всё, не жилец ты, паря! – весело поддержали его из толпы.

– Да он и так не жилец! – подхватил кто-то ещё.

Ржали не все. Ну, то есть не только старик с Миколой. Я поймал на себе взгляд человека средних лет стоявшего справа от пузана. Одет он был подобротней Миколы, и чем-то напомнил Акимыча.

– Не вздумай! – сказал он. Даже не сказал, приказал.

Но планка уже упала.

– Значит, ногами можно? – смотрю пузану прямо в глаза. Почему ему не знаю. Сейчас он олицетворяет всё зло. А может не зло, но смотрю на него. А он веселится, рот до ушей:

– Ага! Можно! – думает простачка нашел. Щаз!

– Эй! Парень! Не ходи! – это тот мужик.

– А чево? Пущай! – пузан.

– Не ходи! – кто-то из толпы.

– Пущай сходит, а мы поглядим! – тоже из толпы.

– Сынок! Ты чаво удумал! Куды ж супротив Трошки?! – старик.

– Пущай! Поглядим как он его ногами-то!!! – пузан.

– Не надо, Ваша милость! – Микола.

Так. Попробовал подтянуть штаны, вроде ничего. Не киноно, конечно, но пойдёт. Снимаю сюртук и картуз, подаю Миколу:

– Подержи.

– Не ходите, Ваша милость!

– Пущай!!!

– Не вздумай!!!

– Пущай-пущай! Ногами-то!

Всё! Я иду. По толпе ропот, удивлённые крики, радостные вопли, но я их не слышу. Мне не до них. Я иду.

– Биться желаете? – спрашивает меня рефери-зазывала. Спрашивает вежливо, удивление он старается скрыть, но у него не выходит.

– Ногами бить можно? – последний раз уточняю.

– Токмо не туда, – он показывает взглядом на причинное место.

– Понял, – я киваю.

– И енто, Ваш милость, без ворожбы штоба! – предупреждает конферансье и показывает на висящий на шее какой-то медальон на серебряной цепочке. Антидопинговый амулет что ли? Наверное, он магию распознаёт. Или блокирует.

– Договорились! – Мне всё равно я колдовать не умею.

Смотрю на Трофима. На его лица удивленная усмешка. Усмешка уже победившего человека. Но это мы ещё посмотрим!

– Вам, Ваша милость, за себя надобно гривну внести, – говорит конферансье.

– А Иван сколько вносил? – спрашиваю, вспомнив о повышении ставок.

– Двугривенный, – с готовностью отвечает зазывала-рас-

порядитель. – А ежели до двух рублей, тоды два пятиалтын-ных.

– Давай до двух рублей! – говорю, доставая деньги. Блин. Вот я – тупой придурок, придётся с мелочью в кармане драться. Лишь бы не просыпать. Ну, теперь уже всё! Пойду как есть.

– Как биться желаете? До первой крови? – распорядитель прав, не уточнили.

– Нет. Кто кого с ног собьёт!

– Как пожелаете, – и тут же, но уже громко для всех: – Победит тот, кто собьёт противника с ног. Победителю два рубля!

По толпе восторженный ропот. Но мне не до них. Я настраиваюсь.

Как-то лет пять назад, сосед дядя Толя, бывший краповый берет, научил одной связке из шести ударов. И показал, как её проводить, чтобы противника хотя бы последним завалить. Первый и второй удары идут руками, а уже потом ноги подключаются. Неподготовленный противник валится пятым, иногда четвертым ударом. А одного я аж вторым завалил. Вот сейчас и посмотрим, что почём!

Мы с Трофимом встаем напротив друг друга. Рефери машет рукой. Начали!

Я бросаюсь в атаку. Первый удар левой рукой, он в пустоту. Ну так он и не для того, чтоб попасть. Он на испуг, правда дядя Толя меня и первым валил, так тож он. А я, я первым

пугаю, вторым с правой тоже. ХРЯСЬ!!! Это ЧЁ?! Это я уже вторым попал?! Однако! БУФ!!! Это маэ-гэри правой ногой в пузо. Хорошо вошло! Как в грушу! Прямо чувствую, как Трошка отступает.левой ногой с разворота! БАМ!!! Уширо, любимый удар Чака Норриса. Вошло добротнo! Правой маваши в голову! Фо-о-о... В пустоту!!! Это чё?! Быстро в стойку! А-а-а-а... Вот оно как! А Трофим-то упал! Пятился и упал!

Толпа беснуется. Похоже такого они давно не видели. А может и никогда?

Опоньки! А это чё за хрень?! Трофим вскакивает и на меня. Останавливаю хорошим таким маэ-гэри, правой ногой из левосторонней стойки.

– ЧО ЗА ХРЕНЬ!!! – ору на зазывалу. – Упал, значит, упал! ВСЁ!!!

Ору не только я. Все не довольны. Вот только половина за Трофима, типа успел подняться, всё такое. Ах, вы гады! Чо?! Шесть секунд не запахло?! Так значит?! А хрен с вами!!! А давайте!!!

Если не дают победить по очкам, победи нокаутом!

Я прыгаю в стойку. Трофим уже осторожен. Нет. Он пока осторожен, но глаза наливаются кровью. Сейчас кинется... Не усеет! Маэ левой в печень! Хэк! Попал, но не пробил. Хотя... Трофим хватается за бок, но стоит. Вот пока стоит... Маэ правой! Хэк! Жалко там нет печени. Уширо в низ живота! Согнись! Есть! А теперь маваши в чайник! БУФ!!! Так,

что у нас там? Стоит?! Непорядок! Ещё уширо! Ещё маваши! Стоит?! Ну, ничего! Иван Драга в четвёртом Рокки тоже долго держался. Ещё уширо. Ещё маваша. Ах, ты, гад! Стоишь?! А вот так?! По-вамдамовски! ШТО!!! Зашатался? Ещё раз по-вандамовски! Вот теперь хорошо! Глазки закатываются? Стой! Не падай! Я сейчас! Продержись полсекунды, сейчас будет красиво! Подпрыгиваю, и стопу ему на бедро, теперь вверх! И вот сверху всей массой, правой рукой, прямой, кулаком прямо в купол!!! ХРЯСЬ!!! Блин! Как больно! У него башка чугунная что ли? Я таким ударом кирпичи ломаю, а тут... Не-е-е... ВСЁ!!! Упал!!! Не встаёт!

Секунд пять я стою в полной тишине, потом толпа просто взрывается. Да! Вот такое они и вправду первый раз видят.

Растирая правую кисть, я поворачиваюсь к зазывале. Сказать, что на нём лица нет, это ни о чём. Он в ужасе. Стоп! А Трофим-то живой? Подхожу к телу, присаживаюсь на одно колено, пытаюсь нащупать пульс на сонной артерии. Живой! Фу-у-ух... Встаю, иду к зазывале. Сам не знаю, что хочу ему сказать. Тот уже приходит в себя, набирает в грудь воздуха, и повернувшись к толпе орет:

– Чистая победа! Победил... – тут он поворачивается ко мне, ожидая, что я назовусь.

– Не надо, – говорю я ему, и уже громче, чтоб все слышали: – Все и так видели, кто победил, – и прямо в лицо зазывале кричу: – Оба раза!

Гул в толпе немного стихает, и в этот момент кто-то гром-

ко и отчетливо выкрикивает:

– А ведь верно! Люди добрые, два разá барин-то победил!

– Верно! Два разá! – кричат уже несколько голосов.

– Верно!

– Верно!

– Два разá!

Я смотрю зазывале прямо в глаза. Не знаю, что он там видит, но спорить даже не пробует. Достает из кармана деньги. Пока он отсчитывает причитающийся выигрыш, видно, как трясутся его руки. Протягивает мне монеты, там четыре рубля тридцать копеек. Здесь, что, ставка возвращается? Прикольно.

Поворачиваюсь к Миколе, а он уже здесь. Подает мне сюртук. Но не просто подает, а держит за ворот обеими руками так, чтобы я просто руки просунул. Я так и делаю. А картуз? А картуз мой в руках у старика, он смотрит на меня, и, поймав мой взгляд, поворачивается к публике. Правой рукой он поднимает над головой какую-то серебряную монету, молча показывает её людям и кладёт в мой картуз. Мужик похожий на Акимыча тоже показывает толпе монету, и так же молча кладёт её в картуз.

Народ одобрительно загудел. Старик отдал картуз Миколе, тот приняв мой головной убор, двинулся было к зрителям, но его уже обступили со всех сторон. Люди, положив что-то в картуз выбирались из кучи и кланялись мне. Кто просто склонял голову, а кто и в пояс. Ни хрена себе! Я по-

вернулся к старику:

– Это чёй-то они?! – спросил я в полном обалдении.

– Вы, Ваша милость, большое дело сделали. Трошку одолели, – старик прям-таки наслаждался ситуацией. – Семь лет с ним окаянным сладу не было. Токма што Гришка-стрелец один и мог. Дык его ж поди дозовись. Служба она ж то в дозоре, то в походе, а то ишшо как. Этот стервец и озоровал повсякому. А тут ему такой укорот, да ишшо какой! Вот народ и радуется.

– Ну, не все, наверное, радуются, – поискал глазами пузана, но он уже затерялся в толпе. – Кому-то этот Трошка очень по душе был.

– Вы, Ваша милость, про Андрюшку штоль? – добродушно усмехнулся старик.

– Ну, этот, что ногами всё предлагал, – я никак не мог подобрать правильные слова для идентификации пузана. – Такой с пузом. – И я показал руками пузо.

– Андрюшка! – старик улыбался. – Ему, мил человек, Андрюшке-то всё едино хто кого побьёт. Лишь бы дрались. Вот он и подзуживал. А хто кого... – старик махнул рукой не окончив фразы.

– А как Вас зовут? – вдруг спохватился я.

Старик перестал улыбаться, и глядя куда-то в сторону спросил:

– Да на што оно Вам?

А действительно зачем? Просто понравился мне этот дед.

– У меня не так много знакомых в этом городе, – я, наконец, нашёл нужные слова. – А Вы показались мне человеком достойным.

– Так уж и достойным? – усмехнулся старик.

– Ну да. Вы и за своих переживали и за меня, незнакомого человека, – попытался я аргументировать свою позицию. – И за Ваньку тамбовского.

– Эх, мил человек. Это разве што? – скромный он всё-таки, дед этот. – Супротив Трошки и чужие свои.

– Ну а всё-таки, как Вас по имени-отчеству? – я решил довести начатое до конца.

Старик усмехнулся, глядя в сторону, вздохнул, а потом негромко сказал, даже не мне как будто, а словно бы куда-то в пространство:

– По имени-отчеству Архип Никодимов сын. Да токма не зовёт меня так никто. Всё больше дед Архип, ну ишшо Архип-пушкарь.

– Пушкарь? – уточнил я, хотя совершенно отчётливо слышал это слово и с первого раза.

– Пушка-арь... – протянул Архип Никодимыч с лёгкой, как мне показалось грустью.

– Из пушек стреляли? – я, как мог, изобразил живой интерес к артиллерийской теме.

– Не без того, – усмехнулся дед Архип.

Пару-тройку секунд я осмысливал ответ своего нового знакомого.

– То есть не только стреляли что ли? – мне показалось, что я ухватил суть сказанного.

– Верно, – и дед Архип опять погрузнел.

– А что ещё можно с пушками делать? – спросил я в недоумении.

– А вот ишшо, Ваша милость, делать их можно, – дед Архип снова невесело усмехнулся. – Отливал я их, стало быть. Какие с бронзы, какие с чугуна.

Я чуть сам себе по башке не треснул. Ну, конечно! Пушки делал. А кто пушки делает? То-то же Александр Анатольевич!

Блин! Не Анатольевич! И не Александр, а Александэр! Странно. Трошка ведь по мне ни разу вообще не попал, а уж тем более по голове, некогда ему было. Ну, вот откуда такие провалы в памяти?

Я снова хотел поговорить со стариком, но тут подошёл, почти подбежал Микола, сияющий как новый пятак. В руках счастливый болельщик боёв без правил держал мой головной убор, полный этих самых пятаков. Ну, не полный, конечно, да и не все монетки имели пятикопеечное достоинство, а какие имели, не как новые не сияли. Действительно, большинство медяков покрывала густая патина. Наверное, от долгого нахождения в обороте. Кстати, среди монет встречались и серебряные. Интересно сколько тут?

– Вот, Ваша милость! – Похоже, что чувства его переполняли. – Всем миром Вам. Примите. С восхищением к Вашей

милости. И благодарностью. – От избытка эмоций Микола говорит немного сбивчиво, но это ничего. Я бы тоже разволновался, если бы живого Тайсона на ринге увидел.

– Золотой, Ваша милость, никак не меньше! – Глаза у Микола просто светились.

– Пойду я, пожалуй, – произнёс дед Архип. – У Вас, Ваша милость, и без меня теперича забот эвон скока.

– Пойдите, Архип Никодимыч! – Я хотел с ним поговорить ещё, но деньги тут эти. Лавка Микола опять же. – А как Вас найти?

Дед Архип задумчиво посмотрел себе под ноги, потом подыскивая слова, почесал затылок. Помолчал. И наконец, спросил глядя мне прямо в глаза:

– Да на што я Вам, барин? – похоже, я чего-то не понимаю в местных реалиях.

– Ну а ежели, и впрямь на што-то сгожусь, тоды в Нижнем городе спросите дом Архипа-пушкаря. Всякий покажет. – Назвал он свой «точный» адрес. – Теперича не гневайтесь, барин, иттить мне надобно. А за Трошку поклон примите. – С этими словами дед Архип поднёс правую руку к левому плечу и, поклонившись мне натурально чуть ли не в пояс, молча повернулся и зашагал куда-то по своим делам.

Охреневший я смотрел в след уходящему старику. Из ступора меня вывел всё тот же Микола:

– Ваша милость, Вы давеча про замочки спрашивать изволили.

Блин. Я ведь и забыл уже.

– Да, – говорю. – Точно. Спрашивал. – А сам думаю: а за каким я про них спрашивал? Надо немного времени выиграть, чтоб обмозговать всё как следует.

– Слушай, – говорю я медленно, – Микола... – И тут меня посещает хорошая мысль: – А как бы нам вот эту мелочь, – показываю на картуз, – на монеты покрупней поменять?

Пока он размышляет про обменный пункт, я судорожно думаю о замках. Вернее пытаюсь, потому что вообще не помню, ни чего мне было надо, ни на кой они мне спёрлись. Ладно, в крайнем случае, скажу, что таких как мне надо нет.

– Ваша милость, так в лавке и меняете, – радуясь найдённому решению, сообщил Микола. А потом протянул и вовсе благостно: – Роман Григорич не откажет. Уж Вам-то нипочём не откажет!

– А Роман Григорич – это кто? – Я посчитал, что догадки тут не уместны, и знать нужно точно.

– Роман Григорич – это хозяин, Ваша милость, – гордо заявил Микола, как будто готов оказать мне протекцию. – Вам нипочём не откажет! Всё как есть, до полушечки поменяет!

– Тогда пойдём! – согласился я, хотя с какой стати мне отказываться.

И мы пошли. Микола, как и положено провожатому, шёл впереди. Нет, «шёл» – неправильное слово, правильное – «шествовал». С непередаваемым достоинством неся мой головной убор, исполнявший роль кошелька. Хотя «кошелёк»,

наверное, тоже слово не совсем подходящее, потому что наполнявшие его деньги, больше похожи на содержимое разбитой детской копилки.

Я снова начал вертеть головой по сторонам, ведь необходимость ориентации в ценах здешнего рынка, да и этого мира вообще, никуда не делась.

Взгляд мой выхватывал из разнообразия предлагаемых товаров знакомые предметы: штаны, рубахи, шубы, дублёнки, цветастые женские платки, шали, самовары. Само собой, встречались и вещи совершенно непонятного назначения. На них я решил не отвлекаться. Потом разберёмся.

Народ нам встречался разных слоёв общества. Хотя, наверное, вру. Ведь людей богато одетых, я всё-таки не видел. Вот женщин, прикинутых как вчерашняя Ольга Павловна, ни одной не заметил. По-видимому, им здесь просто ничего не надо. У нас же тоже есть и оптовки с очень бюджетными ценами, и супермаркеты, и бутики. И покупатели туда ходят, тоже разного достатка. Не вижу причин, чтобы здесь существовали какие-то другие порядки. Ну, порядки, обычаи или ещё как-то, а происходит всё, скорее всего, так же.

Пока я предавался разным умствованиям, в поле моего зрения появился человек, встретить которого здесь я никак не ожидал. Ну, то есть попросту не рассчитывал на такую удачу. Шен. Тот самый китайский дед Егор, открывший нам портал из Мраморной башни в лесопарк магического лица. Шен тоже удивился, заметив меня, и для него, похоже, эта

встреча оказалось внеплановой.

– Постой! – Сказал я, взяв своего проводника за рукав.

Тот послушно останавливается, и с услужливой готовностью смотрит на меня. За последние полчаса я для него из обычного покупателя превратился в эдакого супермена. Ну, пока мне это даже на руку.

– Подожди. Я тут знакомого встретил, – поясняю ему причину остановки. – Щас парой слов перекинемся.

– Чудно, Ваша милость, – удивлённо произносит мой провожатый, – Вот вы вроде как нездешний, и говорите как-то мудрёно, а знакомцы у Вас и тучки есть!

Убедившись, что Шен направляется к нам, я вновь обращаюсь к Миколе:

– Ну а что здесь такого? Вот и ты теперь тоже мой знакомый, и Архип Никодимыч. – Мне приходит в голову забавная мысль, и я делюсь ею с «новым знакомым»: – Ну и Трофим, конечно. Хотя он тот ещё знакомец, но формально-то да!

– Чудно Вы говорите! Не по-здешнему, – качает головой Микола.

– Я ведь и в самом деле приезжий, – а сам думаю, что мне действительно придётся рассказать ему часть правды. Во только какую?

– Издалека, наверное, – мечтательно предполагает Микола.

– Даже не представляешь, насколько издалека, – бормочу

я, и снова как приснопамятный Штирлиц думаю, а не сболтнул ли я чего-нибудь лишнего.

Подошёл Шен Ли.

– Рад новой встрече с Вами, Александэр! – китаец делает изящное движение головой, эдакий кивок-поклон обозначающий приветствие.

А уж я-то как рад, словами не передать! Но я всё же пытаюсь:

– Я тоже! Очень, очень рад встрече с Вами, уважаемый Шен! – вроде получилось.

Нет, ну я, правда, очень обрадовался, когда его увидел. А уж когда он увидел меня!.. Это вообще была радость сравнимая со счастьем. Подумать только: вот так случайно практически столкнуться нос к носу посреди рынка в чужом городе с человеком, который остался где-то вообще не пойми где.

– Гора с горой порою сходятся, а уж человек с человеком и подавно, дорогой Александэр! – по улыбке китайца видно, что и он не ожидал меня здесь встретить. – Вы здесь один, без сестры?

– Да, – говорю, – Валерия в гостинице осталась, а я вот осмотреться решил, – и неопределенно вожу рукой вокруг.

– Вы у Мозеля остановились? – Шен спрашивает, но по всему видно, что в этом он почти уверен.

– Да, – и добавляю, – Ольга Павловна порекомендовала.

– Это правильно, – Шен одобрительно кивает. – Значит, осматриваетесь? И как Вам понравилось у нас в Армагорске?

Вопрос он, конечно, закономерный задал, но я почему-то не нашёлся, что сказать. Поэтому просто улыбнулся и пожал плечами. Шен, видя мою заминку, покивал и посмотрел на стоящего рядом со мной Миколу, который красноречиво держал в руках картуз с деньгами. Похоже, китаец узнал мой головной убор, и, наверняка, догадался о происхождении столь крупной суммы в столь мелких монетах. Ну, ещё бы, он ведь прекрасно знает, за что меня упекли в одну с ним камеру.

– Я смотрю, Вы здесь времени зря не теряли! – усмехается Шен и кивком указывает на «кошелёк». – Кого на этот раз?

– Он, Ваша милость, Трофима победил! – Вступает в разговор Микола и восхищённо добавляет: – Цельных два раза! Подряд!

Шен делает удивлённое лицо, и с видом понимающего человека произносит:

– Трофим – сильный боец. Его не так просто одолеть!

– Ну, Емельян посильней был, – я пытаюсь выглядеть поскромнее.

При упоминании неизвестного ему Емельяна, которого авторитетнейший источник только что классифицировал как бойца превосходящего силой самого Трофима, Микола настаивается, и переводя крайне заинтересованный взгляд с меня на Шена и обратно, жаждет продолжения, но спросить в открытую всё же пока не решается. А я бы и не стал рассказывать. Вот сейчас это как раз та самая часть правды,

о которой пока лучше не говорить.

– Что ж, в этот раз победа в кулачном бою принесла-таки Вам прибыль, – китаец улыбается, явно намекая на то, во что обошлась мне «победа» над Емельяном.

– Да уж... – саркастически ухмыляясь, выдавливаю из себя я. Совсем как Киса Воробьянинов.

– Но, друг мой, Вы ведь куда-то направлялись? – Переводит разговор в серьёзное русло Шен.

– Да, – со вздохом соглашаюсь я, и делаю попытку разъяснить ситуацию: – Мы собирались вот эти монеты, – я показываю рукой на картуз, – поменять на более крупные. В смысле более крупного достоинства.

– Что же, – говорит русско-китайский маг, – Это вполне разумно. Я бы и сам так поступил. Где собираетесь менять?

Вот он говорит-то вроде бы со мной, но ответа явно ждёт от Миколы. А тот долго ждать и не заставляет:

– Так в лавку к нам идём, – тут же, видимо поняв, что Шен может его, Миколу, и не знать (а это скорее всего), конкретизирует, хотя по мне так себе уточнение: – К Роман-Григоричу! – и снова спохватившись, добавляет: – Слесарные изделия Михайлова!

По изменениям мимики китайца, даже я понял, что Шен про это место хотя бы слышал. И, наверное, что-то хорошее.

– Если Вы, уважаемый Александэр, не против, то я готов пойти с вами!

Против?! Да как я могу быть против? Я пять минут назад

не знал, встречу ли его когда-нибудь вообще, а сейчас ломал себе голову, про то как мне его снова не потерять. А он такой: «Вы не против?». Издевается что ли? Но озвучивать всё это я не стал, а сказал как можно любезней:

– Почту за честь! – по-моему, благородные люди так должны отвечать в аналогичных ситуациях.

Я посмотрел на Миколу:

– Веди!

– Да почитай, и пришли уже! – Радостно сообщил тот. – Токма левой ногой шагнуть и осталось!

Глава 4

Мы действительно прошли не больше ста метров. Лавка Роман-Григорича, в которой работал (или правильно говорить «служил»?) Микола, размещалась в каменном двухэтажном доме. Вывески в нашем обычном понимании не было. Вместо неё над входом висел большой, не меньше метра, ключ. Правда, не золотой, как у Буратино, а железный, чёрный, наверное, воронёный, чтоб не ржавел. Только не метр, Александрёв Константинович, а полтора аршина.

В дверях стоял человек средних лет и среднего же роста, одетый почти также как и наш провожатый. «Униформа» – подумал я.

– Микола, ты где шляешься? – накинулся он на «коллегу». – Хозяин тебя обыскался!

– Вася! Я тебе сейчас такое расскажу! – начал было Микола.

– Это хозяин тебе сейчас расскажет! – перебил его Василий. – Ушёл и пропал!

– Да ты постой! – спешил поделиться новостями Микола. – Ты ж ничево не знашь!

Он остановился в двух шагах от Василия, и указывая руками держащими картуз-копилку в мою сторону радостно сообщил:

– Его милость-то сейчас Трошку-драчуна как есть зава-

лил!

– Иди ты! – Не поверил Василий.

– Да чтоб я сдох тыщу раз! – «побожился» Микола.

– Да как он смог-то?! – не поверил Василий, недоверчиво глядя то на меня, то на Миколу.

– Цельных два ра́за! – добивал его сослуживец. – Пер-во́й-то раз Трошка пятимшись запнулси, да задом как плюх-нется! А сладились-то, кто кого собьёт! Ну, стало быть, ба-рин-то и сбил! А там вишь, нет, не засчитали! Такое нача-лось! – Микола аж глаза закатил.

Мы с Шеном стояли, смотрели и никого не торопили. Для китайца это предстало такой же новостью, как и для Васи-лия, ну а я... Я ведь на поединок не из зрительного зала смот-рел, и мнение стороннего наблюдателя меня тоже интересо-вало.

– Капитон-то – рожа прохиндейская, ничего, мол, не знаю, пушай продолжают! – вдохновенно вещал Микола. – Тут ба-рин как осерчал, да как давай Трошку охаживать! Да всё но-гами! То в брюхо ему, то в микитки! Да по морде ему, по морде! Да всё ногами! Трошка-то сперво стоял-стоял, а по-сле ка-а-ак брякнется! Вот те и всё!!! Вот те и Трошка! Вот те и драчун! И без Гришки-стрельца эвона как наваляли!

– Ну, дела! – Только и смог вымолвить Василий, впечат-ленный столь красочным изложением событий.

А Микола тем временем продолжал:

– Капитон-то ажник с лица спал! Краше в гроб кладут! А

и то! Стокма деньжищ отдавать! Барин-то вишь чего, на себя до двух целковых поставил! А Трошка взял, да и не сдюжил. Вот тут четыре рублика вынь и полошь не грехи!

– Это как же?! – Обалдело спросил Василий. – За два разá штоль?

Трудно было понять, что его удивило сильнее, то, что Трошку кто-то смог побить, или то, что Капитон расстался с такой «кучей» денежных средств.

– Да куды ж он супротив всего миру-то?! – причастность к таким «великим» событиям возвышало Миколу не только в глазах Василия, но похоже и в своих собственных. Он потряс моим головным убором и в голосе его послышались повелительные нотки: – Вот, поменять надобно!

– Что поменять? – Донеслось из-за дверей.

От этих простых слов, произнесённых ещё более уверенным тоном, расправленные только что плечи поникли, крылья выросшие было за спиной, скукожились до состояния полной невидимости, весь остальной Микола тоже как-то сник.

Почти сразу за этими событиями, в дверях появился тот, чей вопрос и послужил причиной столь резкой перемены в поведении нашего любителя боёв без правил. Человек, задавший простой вопрос из двух самых обычных слов, высоким ростом не отличался. Про таких говорят: ниже среднего. Не отличался он и излишней упитанностью, наверно, поэтому казался человеком подвижным и легким на подъём.

Именно, подвижным, а не вертлявым. Подвижность у мужчин годам к шестидесяти полностью заменяется степенностью. У этого же человека они умудрялись органично сочетаться. Я думаю, что это и есть сам хозяин лавки.

– Роман Григорич, – пролепетал Микола. – Вот, поменять бы надобно. Всем миром собирали. Их милость, барин-то Трошку драчуна рыночного одолеть изволили. – Он опять потряс картузом. – Архип-пушкарь да Ефим-рудознавец первыми по полтине положили, а уж потом и иные всякие... Поменять вот надобно.

– Удивили, Шен Косиджанович, – с некоторым недоумением произнёс хозяин лавки, обращаясь к китайцу. – Я слышан, что Вы не только молниями повелевать умеете, но кулачный бой с простолюдином... Не ожидал право слово. Вот от кого угодно... Нет, никак не ожидал!

– А вот и правильно Вы не ожидали, дорогой Роман Григорьевич! – засмеялся Шен. – Потому что одолеть Трошку изволил вот этот молодой господин. – И показал на меня. – Зовут его Александэр, в наших краях недавно, только вчера вечером прибыл, а вот откуда прибыл, не спрашивайте, нам и врать не придётся!

– Однако, прошу войти, господа! – Роман Григорьевич сделал приглашающий жест, пропуская нас внутрь своей лавки.

Мы вошли. Сначала Шен, потом я, потом Микола, потом Роман Григорьевич, а Василий так и остался на пороге.

В лавке продавались не только замки. Правильнее будет сказать, что и замки там тоже присутствовали. А вот остальные предметы ассортимента, я и опознал-то не все. Нет, то есть, конечно, я сумел различить такие вещи, как тиски, клещи, напильники и разные прочие струбцины, и стамески. Даже какие-то ручные дрели лежали на одной и полок, по-моему, это кловороты или коловороты или каловороты, как-то так. Но назначение значительной части предметов я пока не понимал. Чтобы не прослыть полным невеждой, решил не расспрашивать о них. Большую же часть прилавков и полков занимали весы и разные гирьки для них. В основном это были рычажные весы, но пару безменов я тоже заметил.

Всё это я рассматривал, пока Микола под руководством Роман-Григорича считал мои «призовые деньги». Шен же с любопытством наблюдал за процессом. Микола сортировал монеты по номиналам и складывал в стопки, как я понял, по десять штук. Господин Михайлов считал сами стопки.

– Ну что ж, господин Александэр, – произнёс Роман Григорьевич, когда они закончили. – Ровным счётом двенадцать рубликов и семьдесят шесть копеечек, однако!

– И что удивительно, – заметил Шен, – не то что полушек, а и копеек даже нет. Самые мелкие монеты – грошики.

– Да-а-а, видать славно Вы Трошке наподдали, – Роман Григорьевич произнес эти слова очень проникновенно. И я подумал, что обзавёлся в Армагорске ещё одним хорошим знакомым.

– Славно, Роман-Григорич! Истинный свет, славно! – С жаром подхватил Микола. – Особливо другой-то раз! Как его милость Трошку ногами...

– Миколка! – прервал его хозяин. – Сколько учить тебя болвана? – Господин Михайлов поморщился, как будто кто-то рядом провёл пенопластом по стеклу. – Токма, ишшо, давича... Ты когда-нибудь научишься нормально разговаривать? Ты же не на рынке!

А ведь, действительно, когда мы с Миколой только познакомились, он говорил по-другому. Это уже на «ристалище» он перешёл на упрощённый вариант местного диалекта. Наверное, под воздействием сильных эмоций потерял «контроль».

– Я начинаю жалеть, что лишен был возможности лицезреть Ваш поединок с Трошкой, – с вежливой улыбкой сообщил Шен. Ну, так ведь китайцы вообще народ невозмутимо спокойный. – Трофим, в нашем городе считается непобедимым бойцом.

– Скажите тоже, непобедимым! – Возмутился Роман-Григорич. – Не один же Григорий Шемякин из отряда господина Горбунова может с ним силой померяться?!

– Ну, кто, например? – спросил в ответ китаец.

– А хоть бы и Вы, дорогой Шен Косиджанович, – огорошил всех господин Михайлов. – Мне кажется, Вам этот Трошка вообще на один зуб!

– Да помилуйте, Роман Григорьевич! – со смехом на-

чал отметить свою кандидатуру. – Жители чайной страны и впрямь большие мастера дратья ногами, но против доброго кулака не дюжат! – Произнёс он, явно кого-то цитируя. И добавил уже от себя: – Так что Вы уж, пожалуйста, меня из сего списка уберите!

– А я ведь и в самом деле подумал, что это Вы его... господин Ли, – развёл руками Роман-Григорич, и повернувшись ко мне задал вопрос, к которому я слава богу подготовился ещё вчера: – Господин Александэр, а как нам Вас по отчетству называть?

Я приосанился и, набрав воздуха в грудь представился:

– Полное моё имя – Александэр Семион Константинович Малиновский, – слово «старший» я решил вообще больше при представлении не использовать, а то мало ли, вдруг кто-нибудь спросит, что это означает, а я и сам не знаю. – Но можно просто Александр Константинович.

– Пожалуй, так и вправду лучше, – неожиданно согласился Ли. – Местные всё равно «Александэр» начнут как-нибудь на свой лад переделывать, а Александр – это уже по-русски, поверьте, я знаю, что говорю!

Вот чёрт!!! Ну, я – баран!!! Ведь я же так и сказал: «Александр Константинович»! Ба-али-ин!!! Так мы точно попалимся! Это всё из-за леркиного «старшего»! Пока думал, говорить его или нет... сбился на хрен! Надо Лерку предупредить!

А китаец тем временем продолжал:

– Вот уважаемый Роман Григорьевич сейчас поименовал меня Шеном Косиджановичем, а между тем отца моего звали Ксиаоджианом, что означает на китайском «здоровый». Хорошо, что «Косиджан» ничего не означает.

– Александр Константинович, насколько крупными монетами желаете поменять эту мелочь? – осведомился хозяин лавки.

– Покрупнее бы, если можно, – просительно улыбнулся я, и добавил: – Чтобы в карманах носить.

Шен с Михайловым переглянулись. И китаец, по их молчаливому согласию, задал интересовавший обоих вопрос:

– Александр, Вы хотите с Такими деньгами по городу ходить?

Тут я понял, что чего-то не понимаю. Пока я соображал, они молча смотрели на меня, а я молча смотрел на них. Пауза затягивалась.

– Ну... – неуверенно начал я, – надо же мне их как-то до дома донести.

Похоже удачно. Шен с Роман-Григоричем как будто выдохнули.

– Что ж, – нехотя, но облегчённо произнёс хозяин лавки, – с этим не поспоришь. Миколка! – громко позвал он помощника, хотя тот никуда и не уходил. – Давай-ка по-быстрому... – и покрутил указательным пальцем над монетными стопками.

Микола посмотрел на мелочь, разложенную на стойке, и

задал хозяину вопрос, суть которого я сразу-то и не понял:

– И золотой?

– И золотой! – подтвердил тот, что-то понятное только им. Или, наоборот, непонятное только мне.

– Александр Константинович, а как же Вас угораздило с этим обормотом связаться? – спросил Роман-Григорич, когда Микола скрылся во внутренних помещениях лавки.

И тут я вспомнил, что должен ещё замок купить. Хотя, наверное, не обязательно замок. Есть же тут наверняка вещи нужные в хозяйстве даже нам с Леркой.

Я честно, но быстро рассказал историю моего знакомства с Миколой.

– Да, – резюмировал босс моего провожатого, – Вот чего хорошего, а бездельничать этот прохвост научился. Лучший в этом деле!

– Роман Григорьевич, не наговаривайте на парня! – вмешался Шен. – Слесарь-то он неплохой. Сами давеча хвалили!

– Это когда это я хвалил его? – С изумлением возмущился Роман-Григорич. У него даже глаза от удивления раскрылись шире орбит.

Шен хитро сощурился и вкрадчиво так произнёс:

– А кто на прошлой неделе хвастался ножницами для левой руки?

– Да не хвастался я, – начал отнекиваться Роман-Григорич. – Просто показал, что вот да, можно и для левшей нож-

ницы делать. Да, этот бездельник их и придумал. Ну, и что с того?

– Так ведь не только придумал, – китаец, наверное, Микола нравился, раз он так за него заступается перед хозяином. – Но и сделал! Да как сделал! Я вот уж на что не левша, так ведь и мне удобно ими резать. Зря вы его так. Зря. Напрасно, честное слово.

Ножницы! Точно. Это замок на фиг не нужен. А вот ножницы... да хоть бы и просто ногти подстричь! Вот. Вот их я и спрошу.

И спросил.

Роман-Григорич с очень серьёзным видом показал мне пару десятков различных моделей. Среди которых были и маникюрные, вот только брать надо не их. Брать надо универсальные. Если вообще брать.

Опаньки! А ножи? Складные карманные ножи?

Есть и они! Не швейцарские многолезвийные, но очень неплохие на вид. Бриться ими вряд ли можно, но для всего остального... Стоп! А бритвы?

– Бритвы здесь самые лучшие, – неожиданно вмешался китаец. – Настоятельно рекомендую. Уважаемый Роман Григорьевич делает их из особого железа. Очень, очень долго заточку держат. И почти не ржавеют.

Роман-Григорич смутился. Похвала, причём, довольно искренняя ему явно польстила.

– Ну, железо, конечно, хорошее, но обычное. На демии-

довском заводе беру, – поскромничал господин Михайлов. – Правда, только степановская выплавка подходит. Другие – нет...

– Степановская не степановская! А заговор кто придумал! Или не Вы?! – Шен не стал мириться с самоуничижением хозяина лавки. – Может, я что-то путаю, и ни в какую Пермь, ни в какой Иркутск Вы бритвы свои не продаёте?!

– Скажите тоже, Шен Косиджанович! – запротестовал Михайлов. – Сотню в Иркутск, да полторы в Пермь. Вот и вся торговля!

– А в Тюмень? – наседал на него Шен.

Я никогда не видел китайца таким. Хотя... А вообще, откуда мне знать? Я ведь вижу его третий раз в жизни. Может, на самом деле он всегда именно такой и есть. С чего я взял, что он должен быть каким-то другим?!

– Не-е-ет... в Тюмень не продаю, – похоже, Роман-Григорич об этом факте малость сожалел. – Не спрашивали.

– Так они ж здесь сейчас! – знакомый голос возвестил нам не только о наличии в городе купцов из Тюмени, но и о возвращении Миколы.

– Ты с чего это взял? – поинтересовался хозяин лавки.

– Дык ведь эта... допрешь барина-то супротив Трошки Ванька ихний вышел, – сообщил Микола, не забыв при этом кивнуть на меня.

– И?

– Мужики сказывали, будто с тюменского обоза он, –

непонимающе проговорил любитель зрелищных боёв.

– То есть точно ты не знаешь? – попробовал надавить на Миколу Михайлов.

– Роман Григорьевич! Так пусть он пойдёт и узнает, – озвучил Шен оптимальнейшее, на мой взгляд, решение.

– Да! – воскликнул поименованный Роман-Григорич, – Пусть ещё полдня где-нибудь проштатается!

– Да полно Вам! – увещевал китаец. – Если этот пройдоха договорится на поставки ещё и в Тюмень, так не всё ли равно где он весь день, как Вы говорите, проштатался?

Хозяин лавки внимательно посмотрел Шену в глаза. Помолчал.

– Да и что Вы теряете? – продолжал аргументировать свою позицию маг, полагая, что Михайлов колеблется. – Всё равно с тюменцами нужно поговорить. Кто-то же должен это сделать? И потом, когда ни помирать, всё равно день терять!

Последние слова неожиданно для меня сильно рассмешили хозяина лавки. А вот Шен, похоже, именно на такой эффект и рассчитывал. Это я по его глазам и хитрому выражению лица догадался. Наверное, сам же Михайлов ему так когда-то и говорил.

– А почему Вы, дорогой господин Ли, полагаете, что на эти, с позволения сказать переговоры, нужно отправить именно этого обормота? Вы считаете, что у него выйдет?

– А сегодня, Роман Григорьевич, только у него одного и выйдет! – Китаец говорил так, как будто это всё ясно как

божий день.

Роман-Григорич посмотрел на Шена взглядом требующим пояснений. Я последовал его примеру. Микола тоже. Видать, мы, ну, все остальные, упустили что-то, что было на самом виду, лежало на поверхности, но понимал это только он.

– Сейчас объясню, – китаец не стал глумиться над нашей растерянностью. – Сегодня их товарищ вышел против Трофима и проиграл. Но проиграл случайно, даже можно сказать не честно, хотя и по правилам. – Шен сделал маленькую паузу, – а потом сам Трошка чуть точно так же не проиграл господину Александру. И ему – Трошке – это не засчитали как поражение. – Он снова сделал паузу, проверяя, уловили ли мы суть. – Но ему и это не помогло. Наш юный друг разделал его под орех. И вышло так, что Трошка за своё жульничество получил сполна.

– А Микола здесь при чём? – не понял Роман-Григорич.

– А Микола не просто всё это видел, видело-то много народу, – продолжал терпеливо объяснять китаец. – Микола как раз сопровождал господина Александра, – тут он повернулся ко мне, – А Вас, мой юный друг, в городе теперь будут величать «баринкакойтрошку побил» или что-то вроде этого. – Шен посмотрел, как я невесело улыбнулся при этих его словах, и добавил: – Да-да, Александр Константинович, к добру или к худу, но Вы снискали себе всенародную известность.

Мы все помолчали несколько секунд, а затем Шен продолжил:

– Так вот, Микола сопровождал Господина Александра, и по дороге СЮДА, – китаец голосом выделил это слово, – всё и случилось! Вы же, милейший Роман Григорьевич, были настолько поражены, что растрогавшись, подарили победителю одну из своих знаменитых бритв. Думаю, что Микола сумеет расписать все её достоинства по-ярче.

Видимо я не ошибся, записав Роман-Григорича именно в ХОРОШИЕ знакомые, потому что на идею подарить мне бритву, он отреагировал словами:

– Миколка, ну-ка давай живенько принеси бритву Александру Константиновичу, – и тут же добавил красноречивое уточнение: – ту, что купцу из Иркутска делали. Он всё равно ещё через месяц только приедет, успеем сделать новую.

Милока ушёл, а я подумал, что сделанная на заказ бритва – это, наверное, круто. Ну, по местным-то меркам! А вслух сказал:

– Мне кажется, если бы Роман-Григорич подарил бы бритву самому Ваньке, то вероятность налаживания поставок в Тюмень стала бы значительно выше. Иван ведь тоже сильный боец, и тоже запросто мог победить Трофима, если бы не эта досадная случайность.

Шен с Михайловым переглянулись. На их лицах ясно читалось «и как же я сам про склад не догадался» (хотя они-то уж точно не знают, откуда это). Но, а всё равно решил пояс-

нить свою мысль:

– Ну, они же по-любому все попробуют ею побриться, значит, все смогут оценить её по достоинству. Вот такое ненавязчивое ознакомление с товаром. Вводный продукт называется.

– Да! – воскликнул Михайлов, и его горящие глаза очень красноречиво говорили о его отношении к идее. – Вот именно так и надо поступать! Нужно дать людям попробовать! Да! Именно так!

– Только, Роман Григорьевич, Ивану нужно выделить бритву несколько более простую, чем господину Александру. Речь ведь идёт о поставке именно партии, и значит, по качеству они не должны отличаться. – Попытался слегка остудить его китаец.

– Верно, – согласился Михайлов. – Вы всё правильно мне сейчас сказали. Я так и сделаю.

– Господин Александр! – Обратился он ко мне. – Вы позволите мне так Вас называть?

– Как Вам будет угодно! – Я постарался сказать это со всей возможной учтивостью.

– Благодарю! Господин Александр, – продолжал хозяин лавки, – Вы сейчас дали мне очень ценный совет. И я хотел бы отблагодарить Вас. – Тут он слегка смутился. – Вам, помнится, приглянулся один из моих ножей. Окажите милость – примите в подарок! Не побрезгуйте.

– Соглашайтесь! – Громким заговорческим шёпотом по-

советовал Шен.

– Почту за честь! – сказал я, слегка склонив при этом голову так, чтобы это походило на лёгкий вежливый поклон благодарного человека.

Мне были вручены нож, ножницы и бритва в хорошем и, наверное, дорогом кожаном футляре. Я убрал всё это во внутренний карман сюртука.

Роман-Григорич вдруг вздрогнул, как будто его что-то изнутри кольнуло.

– Миколка! Ты за деньгами, шельмец, ходил и не принёс! – накинулся он на потенциального переговорщика.

– Да как же не принёс, Роман-Григорич! – изумился Микола, и вынимая из кармана штанов деньги протянул их хозяину. – Вот они, и золотой тут, как Вы и наказывали!

– А почему сразу не отдал? – Сдвинув «грозные» очи, спросил Роман-Григорич.

– Да Вы же сами его то туда пошлёте, то сюда! – заступился за приказчика китаец.

Михайлов не нашёлся, что сказать. Наверное, поэтому промолчал. А Шен тем временем, посмотрев на слесаря-переговорщика усмехнулся и произнёс:

– А ведь ему пора идти. Время не ждёт. – Потом повернулся к хозяину лавки. – Не Вы ли, любезнейший Роман Григорьевич, говорили мне: «куй железо пока горячо»?

– Да-да, верно. Ты, Миколка, собирайся, возьми бритву для Ивана ихнего и иди, – и уже в след уходящему послан-

цу: – Ты всё понял-то?

Тот остановился почти уже в дверях и, обернувшись с видом страдальца произнёс:

– Да понял я, понял. Пойти в тюменский обоз, найти Ваньку какой седни против Трошки выходил, сказать, что с баринном шли в лавку, да посмотреть задержались. Всё и видели. Сказать, что барин осерчал за такую лукавость, да и сам вышел. Ну, его-то Ванька, чай, видел. Вот значитя, – Микола перевёл дух и продолжил: – А Вы, стало быть, барину-то бритвочку-то возьми и да подари. А он барин, значитя, про ево, про Ваньку-то, тоже словцо замолвил. Ну, вот оно... стало быть... и всё. А... ну, и бритву енту самую Ваньке и презентовать прилюдно.

Михайлов аж руками всплеснул.

– Вот, как Вам это нравится, милейший Шен Косиджанович?! Вы только послушайте, как этот олух разговаривает! Ну, это же надо в одной фразе у него и «енту» и «презентовать»! Каково?! – Роман-Григорич посмотрел на обалдевшего Миколу и, обреченно махнув рукой, промолвил: – Иди уже.

Микола вышел. Китаец посмотрел ему вслед, потом обратившись к хозяину лавки сказал:

– Вы только не ругайте его, когда вернётся, – и, видя, что тот не до конца понял его мысль: – Напьются они там. Побратаются и напьются.

Михайлов только рукой махнул:

– Это ладно. Лишь бы дело сделал!

Китаец осмотрел меня с ног до головы. Я совсем не понял, с чего он решил уделить столь пристальное внимание моей внешности, но с расспросами торопиться не стал: наверно, сейчас сам расскажет.

А Шен тем временем произнес, обратившись к хозяину заведения:

– Любезнейший Роман Григорьевич, нам с Александром Константиновичем пора откланяться! – И он действительно поклонился, и добавил: – Дела, знаете ли.

Любезнейший Роман Григорьевич поклонился в ответ.

– Захаживайте к нам, не забывайте! – сказал он напоследок.

Я тоже поклонился ему со всей изящностью, на которую был способен. Михайлов поклонился мне. Раскланявшись вот таким вот образом, мы и расстались.

Когда мы отошли от «Слесарных изделий Михайлова» шагов на тридцать, Шен остановился:

– Александр, у вас с Валерией и в Вольном городе вещей было не много, а сейчас и вовсе ничего нет, – он снова пробежал по мне взглядом. – Давайте мы с Вами сейчас заглянем к портному и подберём Вам что-нибудь из одежды.

Всё-таки китайцы мудрый народ. По крайней мере, Шен-то уж точно.

До лавки портного мы дошли довольно быстро, правда, от рыночной площади она отстояла на три улицы. Со слов Ше-

на я понял, что товары на рынки предназначены больше для простого народа, ну, кроме продуктов, конечно. А люди позажиточней, вроде нас с Леркой, отовариваются в заведениях на вроде мастерской Михайлова. Да-да, у Роман-Григорича там именно мастерская, ну и лавка при ней. А Микола, полное имя Николай, не только приказчик, вернее не столько приказчик, сколько подмастерье у самого Михайлова. А сам Роман-Григорич учился в той же магической школе, что предстоит и нам. Учился он магии металлов. Маг он, к сожалению, слабый, но в металлах понимает. Потому и бритвы у него лучшие не то что в Армагорске, но как бы и не на всём Урале.

– Шен, а Армагорск далеко от Вольного города? – задал я, давно мучавший меня вопрос.

– Далек, Александр, ваши враги вас с Валерией здесь не достанут! – успокоил китаец.

– Я вообще-то про расстояние, – проговорил я.

– Восемьсот сорок вёрст, – был ответ.

И вот что мне дает эта цифра? Далек. Ну, так ведь Шен прямо так и сказал.

– А кто у нас враги? – поинтересовался я.

Китаец посмотрел мне в глаза и, помолчав немного сказал:

– Александр, мы уже пришли. Про врагов я Вам попозже расскажу, а сейчас давайте войдём внутрь.

Дом, в который нам предстояло войти, мало чем отличал-

ся от дома Михайлова, разве что вывеска на кронштейне над входом представляла собой не ключ, а пуговицу и иглу продетую в неё. Ну, ещё в дверях не было Василия.

Встретивший нас худой сутулый мужчина с неожиданно пухлым лицом оказался владельцем «ателье». Был он, как ни странно не многослоен, и это очень помогало делу. Шен быстро объяснил ему задачу: выходной костюм для меня.

Рубашка нашлась сразу, из отличного китайского шелка. Я, правда, сам всё равно не понимаю в тканях, но Шену, думаю, стоит доверять. Китаец всё-таки. Кстати, он же предложил взять ещё пару, тут уже даже я понял для чего.

С остальными предметами гардероба повезло меньше, но повезло. Нашлись и сюртук, и брюки, и даже жилет, но всё это было мне малость великовато. Какому-то барону что-то не понравилось, и он не стал забирать заказ. Хозяин, которого звали Константин Александрович (захочешь, не забудешь), пообещал подогнать всё по моей фигуре завтра к обеду.

Все три мои рубашки «кутюрье» аккуратно сложил и обернув отрезом дешёвой ткани обвязал бечёвкой. Расплатившись за покупку и оставив задаток за костюм, мы с Шеном вышли из лавки. Хотя это всё-таки больше ателье, чем магазин готовой одежды, ну, просто я не знаю, как ещё это здесь называется.

– Ещё, милейший Александр Константинович, сапоги, туфли и головной убор, – сказал китаец и, кивнув на мой кар-

туз, добавил, – идти на предвступление в этом, право слово, не стоит.

– Куда идти? – не понял я.

– На следующей неделе вам с сестрицей необходимо попасть в школу, – начал объяснять Шен. – Там преподаватели вас вместе с другими абитуриентами проверят на наличие магических способностей, определяют ваши стихии и закрепят за вами кураторов. После этого у вас будет три месяца на подготовку.

– Какую подготовку? – удивился я.

– Про различные принадлежности вам кураторы расскажут, это от стихии зависит, – Шен пристально посмотрел на меня, что-то обдумывая и добавил: – В вашем случае, думаю, даже не поиск нужной суммы будет проблемой.

– А что? – конечно же, я не удержался от банальнейшего вопроса.

– Уклад местной жизни вы плохо представляете.

Как не крути, а китаец был прав. Местные порядки мы не знаем вообще. Что верно, то верно.

Мы с Шеном зашли ещё в три лавки. В одной купили мне полутуфли-полуботинки, похожие на те, которые я носил сейчас, но поизящнее и, как бы поблагороднее. В этой же лавке-мастерской заказали мне сапоги. Высокие, почти до колен, но не ботфорты. На пошив хозяин взял три дня и рубль да двугривенный денег.

В другой лавке взяли носки, у меня ведь не было. Те, что

на батарее не в счёт! Правда, здесь они назывались чулками, а представляли из себя гольфы с завязками на верху, как раз над икрой. Пар пятнадцать перемеряли, пока размер подобрали. Я спросил у Шена, почему чулки не продают в обувной лавке. Мне это казалось совершенно логичным, продавать обувь и носки в одном месте, но оказалось, что кто что производит, тот то и продаёт. Тоже, знаете ли, естественно и логично.

Третья же лавка-мастерская производила и продавала мужские головные уборы. К слову сказать, во всех трёх лавках все товары предназначались только для мужчин. Так вот, на смену имевшемуся уже у меня картузу, мы приобрели другой, гораздо более эстетичный.

Кроме того, Шен настоял на приобретении треуголки с маленькими полями, практически такой же как у него. Для чего она нужна, я не понял, но спорить с Шеном посчитал глупостью и послушно отсчитал деньги. Восемьдесят копеек, против двадцати за фуражку. Ладно, поживём увидим, кто и куда в этих треуголках ходит.

В промежутках между посещениями лавок китаец коротко описал мне сложившуюся ситуацию.

Попали мы в государство, гордо именовавшееся Сибирской Империей со столицей в городе Колывань. Ну, то есть сначала-то мы попали в Русию в Вольный город, а вот оттуда через портал Шена мы уже попали в Армагорск – уездный город Исетьевской губернии.

Сибирская Империя состоит с Русией в состоянии «холодной войны» (думаю, этот термин из нашего мира подойдет больше всего). Граница между ними проходит в основном по рекам Итиль и Северная двина. Вольный город как раз на берегу Итиля и стоит. Пограничные конфликты происходят сейчас всё реже и по большей части в районе средних княжеств Руси от Казани до Покровска. Но в районе Вольного города чаще всего.

Что в Вольном городе делал сам Шен, хитрый китаец так и не ответил, а перевёл разговор на более насущные темы, к слову сказать, действительно важные.

Мы, конечно же, вольны в своём выборе, но господин Ли настоятельно рекомендовал нам с Валерией поступить в Армагорскую магическую школу, потому что подозревал наличие у нас этих самых магических способностей в серьёзных количествах. Вот тут и начиналась главная насущность сложностей положения.

Отсутствие у нас каких-либо документов это ещё полбеды, подданство – тоже вопрос решаемый, хотя и более канительный. Шен брался всё уладить в ближайшие три-четыре дня.

Вопрос денег был куда как более сложный, потому что обучение в местной школе волшебников стоило довольно приличных сумм.

На самом из всех факультетов школы обучали так называемой бытовой магии. Там учились или те, кто обладал ма-

гическим даром, но не имел достаточно средств, или же наоборот люди с достатком, но без «магической печати», ну, без природной способности колдовать. Год обучения стоит десять золотых на человека. Учиться три года, оплата за год вперед, а золотой – это десять рублей. В общем, на двоих двести рублей.

Туда идти Шен категорически не советовал. Во-первых, потенциал у нас с Леркой он видел громадный, собственно по этой причине и телепортировал нас сюда, чтоб врагам не достались. Во-вторых, больше всего там людей именно «немагических», поэтому упор в образовании делается на использование артефактов и всяких «амулетов» заряженных другими магами. Михайлов как раз такой вот «колдун-механик», но очень талантливый.

Можно четыре года учиться на бакалавра, там год стоит уже восемнадцать золотых.

Но нам Шен очень-очень рекомендовал идти сразу на магистров. Это, безусловно, и дольше, и дороже: шесть лет по тридцать пять золотых за каждый, но вот результат будет стоить всего потраченного, и времени и денег. Ибо нет в этом деле ничего полезней знаний. Хотя, конечно, так сказать, и тут возможны варианты, но это опять же не для всех.

– Теперь, милейший Александр Константинович, мне пора откланяться, – сказал китаец, когда мы с ним снова дошли до рынка. – Вот эта улица выведет Вас на дорогу, по которой Вы пришли. Поторопитесь, а не то на обед опоздаете.

И он ушел, а я, ухватив поудобнее все свои свертки с пожитками зашагал в указанном направлении, размышляя о сложности сложившейся ситуации.

Глава 5

Дорога домой в два раз короче. Да чёрта с два она короче! Идти-то уже в гору. Тут ещё свёртки с покупками. Свёртков четыре, а рук только две. Очень неудобно. Вообще никогда не любил ходить по магазинам. К сожалению, в нашем случае это неизбежное зло. Чтобы продать что-нибудь ненужное, надо сначала купить что-нибудь ненужное, а чтобы купить что-нибудь денег у нас полно. Мы даже дом с участком земли здесь купить можем. Правда, не в «центре».

Говорят, будто бы своя ноша не тянет, ещё как тянет. Нести все эти покупки не тяжело, просто неудобно. Но, сдаётся мне, что это «зло не столь большой руки», надо же ещё за сапогами будет идти через три дня, да и за «парадным мундиром» завтра. Блин! Завтра! Завтра Леркина очередь отовариваться, и хрен ведь она одна пойдёт, так что завтра мне по-любому в город переться. И вот завтра сегодняшний день мне праздником покажется, ибо ШОПИНГ.

Вспомнив это страшное слово, я даже забыл о неудобствах текущего момента, обо всех свёртках с покупками, о бечёвке режущей руки, о дороге в гору, наконец. Конечно, на счёт бечёвки я малость приврал, резать-то руки она не резала естественно, но нести это как-то неловко, да и пальцам не комфортно.

Шопинг, безусловно, жутко бесчеловечная пытка, но ес-

ли посмотреть правде прямо в левый глаз, то получится, что Лерку одну в город отпускать никак нельзя, а кроме меня здесь у неё никого нет. Так что я не просто должен, а просто обязан идти завтра вместе с ней. Стиснуть зубы правой рукой в кулак и идти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.